

Роберт Хайнлайн. Пасынки Вселенной

«Экспедиция к Проксиме Центавра, организованная Фондом Джордана в 2119 году, была первой в истории попыткой достичь ближайших звёзд нашей Галактики. О судьбе, постигшей экспедицию, можно только догадываться...»

Франклин Бак. Романтики современной астрографии, изд-во «Люкс Лимитед». 3,5 кредита.

ЧАСТЬ I. ВСЕЛЕННАЯ

— Осторожно! Мьют!

Услышав крик, Хью Хойланд резко нырнул вниз - единственное, что он мог сделать. Кусок железа яйцеобразной формы врезался в переборку прямо над головой Хью с такой силой, что не промахнись пращник, пробил бы её наверняка. От резкого движения его ноги взмыли вверх над полом. Не дожидаясь, когда тело медленно опустится на палубу, он оттолкнулся ногами от переборки за спиной, направляя себя по долгой, пологой траектории вдоль прохода, с ножом в руке наготове. Он перевернулся в воздухе, и погасив рукой скорость у противоположной переборки — там, где коридор поворачивал и откуда его атаковал мьют, — легко опустился на ноги. За поворотом коридор был пуст. Оба товарища догнали его.

— Ушёл? — спросил Алан Махони.

— Да, нырнул в люк, — ответил Хойланд. — Кажется, у него было четыре ноги. А может, это была баба.

— Четыре или две, нам все равно теперь не поймать мьюта, — сказал Морт Тайлер.

— Вот ещё, ловить его! — воскликнул Махони. — На кой Хафф он нам сдался!

— А я был бы не прочь поймать его, чтобы потолковать кое о чём, — ответил Хойланд. — Клянусь Джорданом, возьми он на два дюйма ниже, быть бы мне в Конвертере.

— Перестаньте через каждые два слова богохульничать, — укоризненно сказал Тайлер. — Слышал бы вас Капитан! — И он благоговейно приложил ладонь ко лбу, как и подобает при упоминании Капитана.

— Джордана ради, — резко ответил Хойланд, — не умничай, Морт. Тебя ещё не произвели в Учёные, а я вряд ли менее благочестив, чем ты, но не вижу греха в том, чтобы иногда дать выход чувствам. Даже Учёные так выражаются в сердцах, я сам слышал.

Тайлер открыл было рот, но промолчал.

— Слушай, Хью, — Махони дернул Хойланда за руку. — Давай уйдём отсюда. Мы так высоко никогда ещё не забирались. Я хочу вернуться туда, где нормальная тяжесть.

Хойланд, сжимая рукоять ножа, жадно смотрел на люк, в котором скрылся противник.

— Ладно, малыш, — согласился он. — Впереди дорога долгая, пора возвращаться.

Он повернулся и пошел к люку, через который они выбрались на этот ярус. Вверх приходилось подниматься по крутым лестницам, но сейчас Хью просто оттолкнулся от крышки люка и начал, плавно спускаться на палубу пятнадцатую футами ниже. Тайлер и Махони последовали за ним. Так они продвигались вниз — через десятки люков и зловещих, слабо освещенных палуб. С каждым разом прыжок чуть-чуть ускорялся, и приземлялись они чуть-чуть тяжелее. В конце концов Махони не выдержал:

— Хью, хватит прыгать. Я ногу зашиб. Давай пойдём лестницами.

— Ладно, но так будет дольше. Кстати, далеко нам еще?

— Отсюда до фермы палуб семьдесят, — ответил Тайлер.

— А ты почём знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Знаю, потому что считал, балда ты этакая.

— Ну да! Считать умеют только Учёные. Ты думаешь, если тебя учат читать и писать, так ты уже всё знаешь?

Хойланд вмешался, прежде чем спор перерос в ссору:

— Заткнись, Алан. Может, он действительно умеет считать. Морт на такие дела мастак. Да и, судя по тяжести, он прав.

— А лезвия в моем ноже он посчитать не хочет? — не унимался Алан.

— Заткнись, тебе говорят. Ты что, Закона не знаешь? За пределами деревни дуэли запрещены.

Они продолжали свой путь в тишине, легко бежали по лестницам, пока возросшая сила тяжести не заставила перейти на шаг. Вскоре показался ярко освещённый ярус, где расстояние между палубами было раза в два больше, чем наверху. Воздух здесь был влажный и тёплый.

— Наконец-то... — сказал Хью. — Однако я не вижу нашей фермы. Мы, наверное, вышли с другой стороны.

— А вон и какой-то фермер, — сказал Тайлер. Сунув мизинцы в рот, он свистнул, а потом крикнул: — Эй, приятель! Куда это мы попали?

Крестьянин медленно оглядел всех троих, затем, с неохотой, односложно, показал, как найти Главную дорогу, ведущую к их деревне. Они прошли с полторы мили энергичным шагом по широкому, довольно оживлённому тоннелю. Навстречу им попадались путешествующие, носики, иногда крестьянин, толкавший перед собой гружёную тележку. Затем они увидели, как в носилках, которые держали четверо здоровенных слуг, с достоинством покачивался учёный. Его оруженосец шествовал впереди, разгоняя с дороги простолюдинов. А вскоре вся тройка пришла в общинную своей деревни — просторное помещение в три палубы высотой. Здесь они разошлись. Хью направился в казармы кадетов — молодых холостяков, живущих отдельно от родителей. Он обмылся, потом отправился к дяде, Эдуарду Хойланду, у которого работал за еду. Когда Хью вошёл, тетя взглянула на него, но ничего не сказала: женщине подобало хранить молчание.

— Привет, Хью, — сказал дядя. — Опять бродил по окрестностям?

— Доброй еды, дядя... Конечно, бродил...

Эдуард Хойланд, солидный, здравомыслящий человек, снисходительно усмехнулся:

— Где был и что видел?

Тётя бесшумно выскользнула за дверь и вернулась с ужином для Хью, поставила перед ним тарелку, но ему даже и в голову не пришло поблагодарить за заботу. Он проглотил кусок прежде, чем ответить.

— Был наверху. Добрались почти до невесомости. А потом мьют чуть не разнёс мне череп.

Дядя хмыкнул:

— Свернёшь себе шею в тех закоулках, парень. Ты бы лучше занимался хозяйством и ждал дня, когда я умру и оставлю его тебе.

На лице Хью появилось упрямое выражение.

— А вам разве не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, когда я был молодым, тоже много шатался. Прошёл всю Главную дорогу, потом вернулся обратно в деревню. И в Тёмном Секторе бывал, меня там мьюты разве что за пятки не хватили. Видишь шрам?

Хью видел этот шрам не в первый раз, а дядин рассказ уже наскучил ему до тошноты. Подумаешь, прошёл однажды Главную дорогу! Сам-то Хью хотел побывать везде, всё увидеть и всё узнать. Взять хотя бы верхние ярусы. Если человеку не дано так высоко забираться, то с чего Джордану было их создавать?

Но мысли эти он держал при себе и продолжал есть. Эдуард Хойланд сменил тему:

— Мне надо повидать Свидетеля. Джон Блэк заявил, что я ему должен трёх свиней. Хочешь пойти со мной?

— Да нет, пожалуй. Хотя да, пойду.

— Поспешай тогда.

По дороге они зашли в казарму, и Хью отпросился идти с дядей по делу.

Свидетель жил в маленьком вонючем помещении на краю общинной, где был легкодоступен всем, нуждающимся в его услугах. Он сидел на пороге, ковыряя ногтем в зубах. Его ученик, прыщавый близорукий подросток, сидел на корточках за его спиной.

— Доброй еды, — сказал дядя.

— И тебе доброй еды, Эдуард Хойланд. Ты пришёл по делу или просто составить старику компанию?

— И то, и другое, — дипломатично ответил дядя, а затем изложил суть своего визита.

— Так в чём проблема? — сказал Свидетель. — В контракте ведь ясно сказано:

Джон Блэк дал Эдуарду овёс.

Чтоб Эд свиней ему принёс,

Как поросята подрастут.

Из них двух Джону отдадут.

— Подросли поросята, Эдуард Хойланд?

— Подросли, — ответил дядя. — Но Блэк требует трёх, а не двух.

— Порекомендуй ему холодную примочку на голову. Свидетель своё слово сказал, — и старик жиденько рассмеялся.

Они немного посплетничали. Эдуард Хойланд как мог удовлетворял ненасытную жажду старика ко всякого рода подробностям. Хью хранил благопристойное молчание во время беседы старших. Но когда дядя наконец поднялся, он сказал:

— Я задержусь ненадолго.

— Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдуард Хойланд.

Когда дядя отошел достаточно далеко, Хью сказал:

— Я принёс вам подарок, Свидетель.

— Покажи.

Хью вынул кисет с табаком, который захватил, когда заходил в казарму. Свидетель принял его, не сказав ни слова, и бросил ученику, чтобы тот спрятал.

— Заходи, — сказал Свидетель и повернулся к ученику: — А ты принеси-ка кадету стул.

— Теперь, парень, — продолжал он, когда они уселись, — рассказывай, чем занимался.

Хью начал рассказ, и старик тщательно выпытывал всё касающееся его последних вылазок, ругая при этом Хью за неумение запоминать события до мельчайших подробностей.

— Ничего вы, молодые, не умеете. Даже этот паршивец, — Свидетель ткнул пальцем в ученика. — Даже он ничего не умеет, хоть и способней тебя раз в десять. Поверишь ли, и тысячи строк в день запомнить не может, а ведь должен занять моё место, когда умру. Да когда я был

учеником, мне тысячи строк едва хватало, чтобы заговорить себя и поскорее уснуть. Свистки вы все без горошины.

Хью не возражал, он ждал, пока старик выговорится.

— Ты хотел что-то спросить у меня, паренёк?

— Вообще-то, да, Свидетель.

— Ну так выкладывай. Язык, что ли, проглотил?

— Вы когда-нибудь поднимались туда, где нет веса?

— Кто, я? Конечно, нет. Я же учился на Свидетеля. Мне нужно было запомнить всё, что написали Свидетели до меня, а на мальчишеские забавы у меня времени не было.

— Я думал, может, вы мне скажете, что там есть.

— А, ну это совсем другое дело. Нет, сам я туда никогда не забирался, но слышал рассказы многих людей, которые там побывали. Очень многих, тебе столько людей не увидеть и за всю жизнь. Я ведь старый. Я помню отца твоего отца и его отца тоже. Что же именно ты хочешь знать?

— Что именно? — Как задать вопрос? Как выразить словами смутную боль в груди? И всё-таки: — Какое в этом во всем предназначение, Свидетель? Зачем все эти яруссы над нами?

— Что? Джордан с тобой, сынок, я же Свидетель, а не учёный.

— Я думал, что вы, может быть, знаете... Извините...

— Но я действительно знаю. Строки из Книги Начала — вот что тебе нужно.

— Их я уже не раз слышал.

— Так послушай еще раз. Ответы на все вопросы есть в этих строках, если только у человека хватает мудрости увидеть их. Внемли мне. Хотя нет, дадим возможность моему ученику показать себя. Эй, ты! Прочти нам из «Начала», да с выражением.

Ученик облизал губы и начал:

*Вначале был Джордан в
раздумье глубоко,
Вначале был Джордан во
тьме одинокой.
Из тьмы и безлюдства
родилось желанье,
Желанье затем перешло в
ожиданье,
Из ожиданья родился*

План —

Джордан решил, и час настал:

Из тьмы и мрака Он Корабль создал!

Миля за милей уютных жилищ

И для плодов золотых хранилищ.

*Палубы, люки, свет и воздух —
Всё для людей, ещё не созданных.
Вот человека сотворил Он
И учредил для него Закон:
Создателя должен чтить человек.
Плану великому посвятить свой век.
Каждому Законом отведено место,
Каждому строго определен удел.
Человеку не дано знать цели.
Главное — чтобы он Создателю
Повиноваться умел.
Одним — говорить, другим — слушать.
Среди людей воцарился порядок.
Он создал Экипаж для чёрной работы.
И учёных для соблюдения Плана.
Помазанник Джордана — Капитан
Человеческим родом стал править сам.
Непорочен лишь Джордан, а люди грешны.
Зависть, жадность и гордость загрязнили умы.
Первым Хафф согрешил, будь он проклят навек!
От него эту скверну вкусил человек.
Разразился мятеж, и погиб Капитан.
Кровью мучеников...*

Мальчик запнулся, и старик наотмашь ударил его по лицу.

— Начинай снова!

— С самого начала?

— Нет, с той строки, с которой сбился.

Ученик помедлил, затем поймал ритм:

Кровью мучеников залиты палубы,

Целомудрие пожрано тьмой.

Грех заполнил Корабль...

Мальчик продолжал монотонно бубнить строфу за строфой, пространно рассказывая древнюю историю греха, мятежа и смутного времени. Как мудрость в конце концов взяла верх и как тела вождей мятежа скормили Конвертеру. Как некоторым мятежникам удалось избежать Полёта и положить начало племени мьютов. Как после молитв и жертвоприношений был избран новый Капитан.

Хью беспокойно заёрзал, шаркая ногами по полу. Без сомнения, в Священных Строках были ответы на все его вопросы, на то они и священные, но у него, видно, ума не хватало найти их. Но почему? В чём же вообще смысл жизни? Неужели жить — значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в Дальний Полёт? Разве Джордан не

желал, чтобы его поняли? Откуда же тогда боль в груди? Этот голод, который нельзя утолить даже доброй едой?

Утром к дверям дядиного жилища подошёл посыльный.

— Учёный хочет видеть Хью Хойланда, — отчеканил он.

Хью понял, что его вызывает Лейтенант Нельсон — учёный, отвечающий за духовное и физическое состояние сектора Корабля, в котором располагалась родная деревня Хью. Он быстро собрался и заторопился вслед за посыльным.

— Кадет Хойланд прибыл, — доложил он.

Учёный оторвался от завтрака и сказал:

— А, да. Входи, мой мальчик. Садись. Ты ел?

Хью утвердительно кивнул головой, не отрывая глаз от диковинных фруктов, лежащих на тарелке. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти финики. Новая мутация. Я приказал доставить их с дальней стороны. Ешь, пожалуйста. В твоём возрасте всегда можно съесть еще немножко.

Хью с гордостью принял приглашение. Делить трапезу с Учёным ему ещё не приходилось. Лейтенант откинулся в кресле, вытер пальцы о рубашку, оправил бороду и приступит к делу:

— Последнее время я совсем не видел тебя, сын мой. Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Не успел Хью ответить, как Учёный заговорил снова:

— Хочешь, я сам тебе скажу. Ты изучаешь верхние ярусы, мало беспокоясь о том, что это запретная зона. Так или нет?

Он пытливо смотрел ему в глаза.

Хью пытался что-то промямлить, но Учёный снова перебил:

— Ну ничего, ничего. Я знаю об этом; а ты знаешь, что я знаю. Я вовсе не сержусь. Но просто всё это заставило меня подумать, что тебе пора выбирать своё место в жизни. Есть ли у тебя какие-либо планы на будущее?

— Сказать по правде, определённых планов нет, сэр.

— А что у тебя с этой девушкой, Идрис Бакстер? Собираешься жениться?

— Не знаю, сэр. Я бы не прочь, да и отец её тоже, насколько мне известно. Вот только...

— Что «только»?

— Он хочет, чтобы я пошёл к нему на ферму в ученики. Предложение, конечно, неплохое. Его ферма да дядин надел — это хорошее хозяйство.

— Но ты не уверен, что тебе именно этим хочется заниматься...

— Сказать по правде, не знаю.

— Правильно. Ты не для этого создан. У меня относительно тебя другие планы. Скажи, ты никогда не задумывался, почему я тебя научил

читать и писать? Ага, задумывался? Но держал свои мысли при себе? Вот и молодец. А теперь слушай меня внимательно. Я наблюдаю за тобой со дня твоего рождения. Воображение твоё развито намного лучше, чем у других простолюдинов. В тебе больше, чем в них, любопытства, больше энергии. Ты прирождённый лидер и уже ребёнком выделялся среди других детей. Когда ты родился, твоя слишком большая голова сразу вызвала пересуды. Некоторые даже предлагали закончить дело Конвертером. Но я не согласился. Мне было очень интересно, что из тебя получится. Жизнь крестьянина не для тебя. Твой удел быть Учёным.

Лейтенант смолк и внимательно посмотрел на растерянного, потерявшего дар речи Хью. Потом заговорил снова:

— Именно так дела и обстоят. Человека твоего склада следует сделать либо одним из правителей, либо отправить в Конвертер.

— Если я правильно вас понял, сэра, то у меня и выбора нет?

— Откровенно — да. Оставлять мыслящих людей в рядах Экипажа — значит сеять ересь. Это недопустимо. Однажды так случилось, и род человеческий чуть было не погиб. Ты выделился из общей массы своими дарованиями. Теперь твоё мышление следует направить на путь истинный, открыть секреты чудес, дабы ты стал охранителем устоев, а не источником смуты и беспокойства.

Вошёл посыльный, нагруженный узлами, и сложил их в углу.

— Да это же мои пожитки! — воскликнул Хью.

— Совершенно верно, — подтвердил Нельсон. — Я за ними послал. Теперь ты будешь жить здесь, заниматься под моим наблюдением, если, конечно, у тебя на уме нет чего-либо другого.

— О нет, сэра, что вы! Должен сознаться, я просто немного растерян. Скажите, я теперь... Ну, то есть вы против моей женитьбы?

— А, вот ты о чём... — безразлично ответил Нельсон. — Если хочешь, просто возьми девку себе. Отец теперь возражать не посмеет. Но я могу сказать тебе наперёд - она вскорости наскучит тебе.

Хью пожирал одну за другой древние книги, которые давал ему наставник, забыл даже об Идрис Бакстер и своих дальних экспедициях. Часто ему казалось, что он напал на след какой-то тайны, но каждый раз оказывался в тупике и чувствовал себя ещё больше запутавшимся, чем раньше. Постичь премудрости науки и тайны Учёных было более трудным делом, чем он предполагал.

Однажды, когда он ломал голову в размышлениях о непостижимо странных и непонятных характерах предков и пытался разобраться в их запутанной риторике и непривычной терминологии, в его комнатушку вошёл Нельсон и отцовским жестом положил руку на плечо.

— Как идёт учеба, мальчик?

— Да, пожалуй, нормально, сэр, — ответил Хью, отложив книгу в сторону. — Но кое-что я не совсем понимаю. А сказать по правде, не понимаю совсем.

— Чего и следует ожидать, — невозмутимо ответил Нельсон. — Я умышленно оставил тебя наедине с мудростью, чтобы ты увидел ловушки, расставленные для природного ума, не вооружённого знанием. Многие из того, что ты прочёл, не понять без разъяснений и толкований. Чем ты сейчас занят? — Он взял книгу и посмотрел на обложку: — «Основы современной физики». Это одно из самых ценных древних писаний, но непосвящённому не разобраться в нём без помощи. Прежде всего ты должен понять, мой мальчик, что наши предки при всём их духовном совершенстве придерживались иных взглядов на мир, чем мы. В отличие от нас, рационалистов до мозга костей, они были неисправимыми романтиками, и те незыблемые истины, которые оставлены нам в наследство, часто излагались у них аллегорическим языком. Возьми, например, Закон Всемирного Тяготения. Дошёл ты уже до него?

— Да, я читал о нём.

— Понял ли ты его? Мне кажется, что нет.

— Я не увидел в нем никакого смысла, — робко сказал Хью. — Прошу прощения, сэр, но всё это показалось мне какой-то белибердой.

— Вот блестящий пример того, о чём я тебе говорил. Ты воспринял этот Закон буквально, как законы, описывающие действие электрических устройств, о которых ты можешь прочесть в этой же книге. «Два тела притягивают друг друга пропорционально квадрату расстояния между ними». Казалось бы, эта формула звучит как правило, констатирующее элементарное состояние физических тел. Но нет! Ничего подобного! Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Тела, о которых идет речь, — это человеческие тела. Масса — это их способность к любви. У молодых потенциал любви намного выше, чем у стариков; если их свести вместе, они влюбятся друг в друга, но, если разлучить, чувство любви быстро проходит. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет.

Хью улыбнулся:

— Такая трактовка мне и в голову не приходила...

— Если тебе что-либо неясно, спрашивай.

— У меня много вопросов, так сразу я даже с ними не соберусь. Но вот что я хотел бы знать, отец мой. Можно ли считать мьютов людьми?

— Так... Вижу, ты наслушался праздной болтовни... И да, и нет. Верно то, что мьюты когда-то произошли от людей, но они ведь давно уже не относятся к Экипажу, ведь они согрешили и нарушили Закон Джордана. О, это очень сложный вопрос, — продолжал учитель, увлечшись. — Здесь можно спорить и спорить. Дискутируется даже этимология слова

«мьют». Некоторые Учёные считают, что было бы более правильным называть эти существа «мяты», поскольку — и это, безусловно, верно — начало их роду было положено избежавшими Конвертера мятежниками. Но верно также и то, что в их жилах течёт кровь многочисленных мутантов, расплодившихся в Тёмные века. Отсюда и «мьют» — «мутант». В те давнишние времена, как ты сам понимаешь, не существовало ещё нашего мудрого обычая — осматривать каждого новорожденного и отправлять в Конвертер тех, кто отмечен печатью греха, а значит, родился мутантом. Странные и ужасные создания бродят по тёмным проходам и подстерегают на пустынных ярусах.

Хью обдумывал услышанное, потом спросил:

— А почему же среди нас, людей, всё ещё появляются мутанты?

— Это как раз легко понять. Семя греха всё ещё живет в нас и временами воплощается в людей. Уничтожая этих паршивых овец, мы оберегаем стадо и тем самым приближаемся к осуществлению великого Плана Джордана — завершению Полёта в нашем доме небесном, Далёком Центавре.

Хойланд напряжённо свёл брови:

— Это мне тоже не совсем ясно. Многие из древних писаний говорят о Полёте как о действительном процессе движения куда-то. Как если бы сам Корабль был бы какой-то тележкой, которая может двигаться из одной деревни в другую. Как это понять?

Нельсон хмыкнул:

— Как понять? Вот уж действительно вопрос. Как может двигаться то, внутри чего движется всё остальное? Ответ ясен. Ты опять спутал древнюю аллегория с реальностью. Само собой разумеется, что Корабль неподвижен. Корабль — это Вселенная. Но, конечно, она движется в духовном смысле слова. С каждым нашим праведным поступком мы продвигаемся всё ближе и ближе к божественному предначертанию Плана Джордана.

— Я, кажется, понимаю, — кивнул Хью.

— Видишь ли, Джордан мог создать Вселенную и не в виде Корабля. Он мог придать ей любую форму. На заре человечества, когда наши предки были более поэтичными, чем мы, святые соперничали друг с другом, строя гипотезы о возможных мирах, которые мог бы создать Джордан, будь на то его воля. Существовала даже школа, разработавшая целую мифологию о перевёрнутом вверх дном мире, состоящем из бесчисленного множества пустых пространств, в которых только кое-где мерцали огоньки и жили бестелые мифологические чудовища. Они называли этот вымышленный мир «небом», или «небесным миром», видимо, по контрасту с реальной действительностью Корабля. Казалось, они без усталости могли рассуждать об этом мире, придумывая его подробные описания и рисуя картины того, на что, по их мнению, он должен был быть похож. Я думаю, что всё это делалось к

вящий славе Джордана. И кому дано судить, по нраву Ему были эти мечты или нет? Но в наш просвещённый век на нас возложена более серьёзная работа, чем на наших предков.

Астрономия Хью не интересовала. Даже его нетренированному уму было ясно, насколько она нереальна и не от мира сего. Он же был занят вопросами более практическими.

— Если мьюты — плод греха, то почему же мы не предпримем попыток уничтожить их? Разве такое деяние не ускорит выполнение Плана?

После короткой паузы Учёный ответил:

— Ты задал прямой вопрос и заслуживаешь прямого ответа. Подумай сам: ведь в Корабле достаточно места только для определённого числа членов Экипажа. Если мы начнем размножаться безо всяких ограничений, то наступит время, когда доброй еды на всех не хватит. Так не будет ли лучше, если некоторые погибнут в стычках с мьютами, чем допустить ситуацию, при которой нас станет так много, что мы будем вынуждены убивать друг друга из-за еды? Пути Джордана неисповедимы. Видишь, даже мьютам отведено место в Его плане.

Аргументация казалась убедительной, но всё же не до конца. Во всяком случае для Хью.

Но когда его как младшего учёного допустили к практической деятельности по управлению жизнью Корабля, он обнаружил, что существуют и другие теории. Согласно установленному обычаю он некоторое время обслуживал Конвертер. Работа была необременительная. В основном приходилось принимать отходы, доставляемые носильщиками из всех деревень, вести учёт поступлениям, да посматривать за тем, чтобы в загрузочный бункер первой ступени не попадал металл, пригодный к использованию. Но, работая там, он познакомился с Биллом Эртцем, Заместителем Главного Инженера, который был совсем ненамного его старше.

Хью обсуждал с ним теории, усвоенные из бесед с Нельсоном, но реакция Эртца просто потрясла его.

— Заруби себе на носу, малыш, — сказал ему Эртц, — что наша работа — это практическое дело для практически мыслящих людей. Забудь всю эту романтическую чепуховину. План Джордана, тоже мне! Все эти рассказы только и годятся для того, чтобы держать крестьян в повиновении, но ты-то на это не клюй. Никакого Плана и в помине нет, кроме, конечно, наших собственных планов. Кораблю нужны свет, тепло и энергия для готовки и ирригации. Экипажу без них не прожить, и всем этим ведаем мы, Учёные. Что касается этой мягкотелой терпимости по отношению к мьютам, то, помани мое слово, скоро кое-что изменится. Держи язык за зубами, а сам будь поближе к нам.

Из этого разговора Хью понял, что ему следует примкнуть к группировке молодых Учёных. Молодые создали свою собственную, крепко спаянную организацию, состоящую из практически мыслящих,

работающих людей, которые были намерены улучшить условия жизни во всём Корабле. Они были крепко спаяны потому, что каждый молодой кандидат в Учёные, не оказавшийся способным воспринять их взгляды, либо вскоре оказывался снова среди крестьян, либо, что случалось чаще, с ним происходил несчастный случай и он оказывался в Конвертере.

И Хойланд начал понимать, что молодые Учёные были правы.

Они были реалистами. Корабль есть Корабль. Факт, не требующий толкования. А что касается Джордана, то кто Его видел? Кто с Ним хоть раз беседовал? И в чём это заключается Его малопонятный План? Смысл жизни в том, чтобы жить. Человек рождается, живёт и уходит в Конвертер... Всё очень просто, безо всяких мистерий, божественных Полётов и Центавров. Все эти мифы и сказки не что иное, как пережитки детства рода человеческого, тех времён, когда человек ещё не умел разобраться в реальности бытия и не обладал достаточной смелостью, чтобы смотреть правде в глаза и объективно её воспринимать.

Хью перестал забивать себе голову астрономией, мистической физикой и прочей мифологией, которую ранее привык почитать. Священные строки из Книги Начала и все эти старые сказки о Земле — это ещё что за хаффовщина, «Земля» какая-то? — теперь только забавляли его. Он знал, что верить в них могут лишь дети да тупицы.

Да и работы у него теперь было по горло. Молодые вынашивали свои проекты, среди которых первое место занимало планомерное истребление мутантов. Они и сами толком не представляли себе, чем займутся после этого, но рассчитывали полностью использовать все ресурсы Корабля, включая и верхние ярусы. Молодежи удавалось проводить свои планы в жизнь, не вступая в открытое противоборство со старшими, потому что старшее поколение Учёных мало интересовалось вопросами повседневной жизни Корабля. Нынешний Капитан разжирел так, что редко покидал свою резиденцию, а всеми делами от имени Капитана вершил его Старпом, член группы молодых. Главного Инженера Хью за все это время видел всего один раз, да и то на религиозной церемонии сдачи вахты у Конвертера.

Проект истребления мьютов требовал систематических рекогносцировок верхних ярусов. В одной из таких вылазок Хью и попал в засаду.

Этот мьют стрелял из пращи лучше, чем первый. Спутники Хойланда сочли его мёртвым и оставили на поле боя, отступив под давлением превосходящих сил противника.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Раньше он играл сам с собой в карты, но Джо — правая голова — заподозрил, что Джим — левая голова — передёргивает. Они рассорились, но потом помирились, поскольку давно уже поняли, что двум головам на одной паре плеч просто необходимо уметь находить компромиссы.

Шашки были куда как лучше. Обе головы видели доску, и почвы для конфликта не возникало.

Игру прервал громкий стук в дверь. Джо-Джим обнажил метательный нож и согнул руку для броска.

— Входи! —
рявкнул Джим.

Дверь открылась,
и стучавший вошёл
спиной — все знали,
что к Джо-Джиму
входить можно было
только так, чтобы
сразу не угостили
ножом.

Вошедший был
приземист — не
выше четырёх футов
— и коренаст. В нём
чувствовалась
гигантская
физическая сила.
Одной рукой он
придерживал
лежащее на его
широких плечах
обмякшее
человеческое тело.

Джо-Джим убрал
нож.

— Положи его на

пол, Бобо, — приказал Джим.

— И закрой за собой дверь, — добавил Джо. — Итак, что тут у нас?
Это был юноша, судя по всему мёртвый, хотя раны видно не было. Бобо
хлопнул себя по бедру.

— Съедем, а? — На его полуоткрытых губах выступила слюна.

— Может быть, и съедем, — неуверенно ответил Джим. — Это ты его
подбил?

Бобо кивнул маленькой головой.

— Хорошо, Бобо, — одобрительно сказал Джо. — Куда попал?

— Бобо попал ему сюда, — микроцефал ткнул толстым пальцем чуть
ниже грудной клетки пленника.

— Метко, — одобрил Джим. — Мы, пожалуй, и ножом бы лучше не
попали.

— Бобо меткий, — охотно согласился карлик. — Показать? — И он
достал пращу.

— Уймись, — беззлобно сказал Джо. — Нам показывать не надо. А вот
его хорошо бы заставить говорить.

— Бобо сделает, — согласился коротышка и по простоте душевной попытался ткнуть лежащего без сознания человека ножом под ребра.

Джо-Джим дал ему подзатыльник и сам занялся телом, применяя методы хотя и болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы Бобо. Юноша открыл глаза.

— Съедем, а? — стоял на своем Бобо.

— Нет, — ответил Джо.

— Ты когда ел в последний раз? — осведомился Джим.

Бобо потёр живот и печально затряс головой, гримасничая и всем своим видом показывая, что это было, увы, давно. Джо-Джим открыл шкаф и вынул оттуда кусок мяса. Джим понюхал его, Джо брезгливо отвернулся. Джо-Джим бросил кусок Бобо, который, радостно подпрыгнув, поймал его на лету.

— А теперь убирайся, — приказал Джим.

Бобо засеменил к выходу и закрыл за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленнику и пнул его ногой.

— Говори, — сказал Джим, — кто ты, Хафф тебя дери?

Юноша вздрогнул, медленно провёл рукой по голове, потом увидев вдруг Джо-Джима, попытался рывком

вскочить, но непривычно малая сила тяжести нарушала координацию движений. Поднявшись, однако, на ноги, он потянулся к ножнам. Ножа на поясе не было. Зато Джо-Джим обнажил свой.

— Веди себя хорошо, и тебя не обидят. Твоё имя? — спросил Джо.

Юноша облизал запекшиеся губы и обвёл глазами комнату.

— А что с ним возиться? — сказал Джим. — На мясо только и годится. Давай лучше позовём Бобо.

— С этим всегда успеется, — ответил Джо. — Я хочу с ним потолковать. Как тебя зовут?

Пленник снова посмотрел на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ничего не говорит, — заметил Джим. — Чем ты занимаешься? Из какой ты деревни? И что делал в стране мьютов?

На эти вопросы Хойланд не отвечал, даже когда его кольнули ножом под ребро.

— Хафф с ним, — буркнул Джо. — Он, видно, всего лишь глупый крестьянин. Плюнь на него.

— Так что, прикончим?

— Не сейчас. Пока просто закрывай.

Джо-Джим открыл дверь маленькой каморки, впихнул в неё Хью и, заперев, вернулся к игре.

— Твой ход, Джим.

В помещении, где оказался Хью, было темно. Вскоре он на ощупь убедился, что на гладких стальных стенах нет ничего, кроме прочной, надёжно запертой двери. Хью растянулся на полу и погрузился в невесёлые и бесплодные раздумья, благо времени у него оказалось более чем достаточно.

Сколько он пробыл взаперти, Хью уже не мог понять. Он много раз засыпал и просыпался, терзаемый голодом и жаждой.

Когда Джо-Джим снова почувствовал интерес к пленнику и открыл дверь, Хью валялся в углу в полуобмороке, Джо-Джим выволок его наружу.

Встряска немного оживила Хью. Он сел и огляделся по сторонам.

— Будешь говорить? — поинтересовался Джим.

Хойланд открыл рот, но не мог вымолвить ни звука.

— Он так обезвожен, что у него язык к гортани прилип, — сказал Джо своему близнецу. Потом он повернулся к Хью: — Если мы тебе дадим воды, будешь говорить?

Хойланд обалдело посмотрел на него и изо всех оставшихся сил закивал головой.

Джо-Джим протянул ему кружку с водой. Хью жадно припал к ней.

— Хватит с тебя, — вырвал наконец кружку из его рук Джо-Джим. — Говори!

Хью начал и выложил все до мельчайших подробностей, время от времени подгоняемый вопросами одного из близнецов, или пинком по голени.

Хью воспринял статус де-факто рабства без особого противления и сильных душевных переживаний. Слово «раб» отсутствовало в его лексиконе, но такой порядок вещей был обычным явлением во всём, что он когда-либо знал. Всегда были те, кто отдавал приказы, и те, кто их выполнял; он не мог себе представить ничего иного, какой-либо другой тип социальной организации. Это было фактом жизни. Хотя, естественно, он думал и о побеге. Думать об этом, однако, было всё, что ему оставалось.

Джо-Джим угадал его мысли и вынес вопрос на обсуждение.

- Не увлекайся своими идеями, юноша — бросил ему Джо. — Без ножа, ты не пройдёшь в этой части Корабля и трёх палуб. Если тебе удастся

украсть нож у меня, ты всё равно не спустишься вниз, где есть вес. Кроме того, здесь Бобо.

Хью подождал немного — как и подобало, и переспросил: — Бобо?

Джим усмехнулся. — Мы сказали Бобо, что он может тебя разделать, если пожелает, в том разе, если ты вдруг высунешь голову из нашего жилища без нас. Теперь он спит за дверью и проводит там изрядно времени.

— Так по-справедливости, — вставил Джо. — Он был разочарован, когда мы решили придержать тебя.

— А как, — продолжал Джим, поворачивая голову в сторону брата, — как насчёт того, чтобы немного повеселиться? Он повернулся к Хью. — Умеешь бросать нож?

— Конечно, — ответил Хью.

— Давай поглядим. На! — Джо-Джим вручил ему собственный нож.

Хью принял клинок, и покачал его в ладони, проверяя баланс.

— Попробуй в мою отметку.

В дальнем конце комнаты Джо-Джима, напротив его любимого кресла, была приделана пластиковая мишень, на которой он имел обыкновение практиковать своё мастерство.

Хью прикинул расстояние, и, взмахом руки настолько быстрым чтобы уследить за ним, метнул нож. Он использовал бросок скупым движением снизу: большой палец на лезвии, пальцы вместе. Лезвие задрожало в мишени, угодив точно в середину изжёванной области, отмеченной лучшими усилиями Джо-Джима.

— Красавчик! — одобрил Джо. — А что у тебя на уме, Джим?

— Давай дадим ему нож и посмотрим, как далеко он уйдёт.

— Нет, — сказал Джо, — я не согласен.

— Отчего же?

— Если победит Бобо, мы потеряем только слугу. Если выиграет Хью, мы потеряем и Бобо, и его. Это мотовство.

— Ну, если ты настаиваешь.

— Именно. Хью, принеси нож.

Хью повиновался. Ему и в голову не пришло повернуть нож против Джо-Джима. Мастер есть мастер. Для слуги напасть на хозяина было не просто безнравственным поступком, это была бы идея дикая и невозможная.

Он ожидал, что его образование и ранг учёного произведут впечатление на Джо-Джима. Но ожидания эти не оправдались. Близнецы были прирождёнными скептиками и спорщиками. Особенно Джим. Они быстро выкачали из Хью всё, что могли, и махнули на него рукой. Хойланд чувствовал себя уязвленным. Разве он не Учёный, в конце концов? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, ты! — сказал ему Джим. — Чтение — дело плёвое. Я умел читать, когда твой отец ещё не родился. Думаешь, ты первый Учёный, кто прислуживал нам? Ба-а... — Учёные! Шайка невежд!

Пытаясь завоевать уважение к своему интеллектуальному «эго», Хью начал излагать теории молодых Учёных, отмечающие все религиозные интерпретации и воспринимающие Корабль как он есть. Он ожидал, что Джо-Джиму такой подход будет по душе, но близнецы лишь ещё больше стали издеваться над ним.

— Вот уж действительно, — фыркнул Джим, закашлявшись от смеха, — вы, молодые сопляки, настолько идиоты? Да вы ещё хуже ваших старцев.

— Но ты же сам говорил, — обиженно ответил Хью, — что все наши религиозные догмы просто чепуха. Мои друзья именно из этого и исходят. Они хотят положить конец всей этой устаревшей ерунде.

Джо начал было отвечать, но Джим перебил его:

— Что ты с ним возишься, Джо? Он же безнадёжен.

— Нет, он вовсе не безнадёжен. Мне нравится с ним спорить. Он первый, с кем я разговаривал за не знаю сколько времени, у кого есть хоть какие-то проблески ума. Пусть его — просто хочу посмотреть, голова у него на плечах или держалка для ушей.

— Ладно, спорь с ним, — согласился Джим. — Может, он и поймёт, что к чему. Но только, пожалуйста, потише. Я пока сосну.

Левая голова закрыла глаза и захрапела. Джо и Хью продолжали вполголоса беседовать.

— Все вы дурни, и старые и молодые, — говорил Джо, — но каждый на свой лад. То, что молодые не могут понять, они просто отрицают. Не существует, мол, этого, и все дела. А старцы — те наоборот. Они не отрицают непонятное, они просто подгоняют его под свои догмы, а потом уверяют и себя и вас, что всё правильно поняли и что именно так дела и обстоят. Но никто из вас никогда и не пытался просто поверить прочитанному и воспринять всё так, как об этом говорится. Как же, вы ведь слишком умны, чтобы упрощать! Если вы чего не поняли, значит, следует искать совсем противоположный смысл!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хью подозрительно.

— Что я имею в виду? Возьми хотя бы этот пресловутый Полёт. Как ты его себе представляешь?

— Никак. Полёт, по-моему, вообще ничего не означает. Так, басня для крестьян.

— Хорошо, пусть будет басня. Но в чём она заключается?

— Полёт — это место, куда человек попадет, когда умрет, или даже то, что он делает после смерти. Человек умирает и отправляется в Полёт на Центавр.

— А что такое Центавр?

— Центавр — это... Но учти, что я тебе просто излагаю ортодоксальные доктрины. Сам-то я в них давно не верю. Так, значит, Центавр — это то место, куда человек попадает в конце Полёта после смерти, место, где все всегда счастливы и где много доброй еды.

Джо фыркнул. Джим перестал храпеть, открыл один глаз, потом закрыл его и опять заснул.

— Именно это я и имел в виду, — продолжал шёпотом Джо. — Не хочешь ты шевелить мозгами. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что Полёт и есть именно Полёт, а не что-либо другое? И что старые книги следует понимать буквально: как в них и написано. Корабль вместе со своим Экипажем просто летит куда-то, передвигается в пространстве.

Хойланд обдумал слова Джо.

— Ты просто смеёшься надо мной. То, что ты говоришь, никак невозможно физически. Как же Корабль может передвигаться в пространстве, когда он сам и есть пространство? Мы можем передвигаться внутри Корабля, но, говоря о Полёте, мы, конечно же, вкладываем в это слово чисто духовное содержание.

Джо призвал на помощь имя Джордана.

— Послушай, — сказал он, — вбей наконец в свою тупую башку такую мысль. Представь себе пространство, намного большее, чем наш Корабль. И что Корабль движется в нём.

Хью изо всех сил попытался вообразить себе такую картину. Потом покачал головой.

— Бессмыслица, — сказал он. — Как же может существовать нечто большее Корабля? Корабль — это и есть Вселенная.

— Хафф тебя побери! Вне Корабля, поймёшь ты наконец или нет? Вообрази себе пространство вне Корабля. Иди мысленно вниз до самого последнего яруса, а потом представь, что ты прошёл сквозь него.

— Но ведь дальше нижнего яруса некуда идти. Поэтому он и есть нижний.

— Представь себе, что ты взял нож и начал сверлить дыру в полу нижнего яруса. Что получится?

— Что? Сломаю нож, вот и все. Пол же очень твёрдый.

— Вообрази, что пол мягкий. Вообрази, что ты проковырял дыру. Что ты обнаружишь? Подумай!

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он сверлит дыру в полу нижнего яруса. В полу, который мягкий как сыр. Смутно, очень смутно в сознании его забрезжила картина, переворачивающая всю душу, все привычные представления. Он вышел в сделанную им дыру и падает, падает, падает в неё, в бесконечную пустоту.

— Нет, нет, я не верю, — выдохнул он. — Это ужасно!

Джо-Джим встал.

— Я тебя заставлю поверить, — хмуро сказал он. — Заставлю, если даже придется свернуть тебе для этого шею. — Он подошёл к двери и крикнул: — Бобо, эй, Бобо!

Джим дернулся и открыл глаза.

— Что происходит? Что случилось?

— Мы сейчас отведём Хью в невесомость.

— Это ещё зачем?

— Вбить в его глупую голову немного ума.

— В следующий раз.

— Нет, сейчас.

— Хафф с тобой, ладно. Да не трясись ты, я уже всё равно проснулся.

Умственные способности Джо-Джима Грегори были так же уникальны, как и его физический облик. Ему было суждено стать доминирующей личностью при любых обстоятельствах. Жизнь среди мутантов была данностью, и неудивительно, что он запугивал их, подчинял себе и жил за счёт их услуг. Испытывая он жажду власти, ему ничего не стоило бы сплотить мутантов и покорить Экипаж Корабля. Но властолюбием Джо-Джим не страдал. Он был прирождённым интеллектуалом, наблюдателем, стоящим в стороне. Его интересовали ответы на вопросы «как» и «почему», но стремление к действию ограничивалось созданием уютной и удобной обстановки, способствующей размышлениям.

Родись он двумя обычными близнецами среди Экипажа, их наверняка ожидал бы сан Учёных - как самый простой и наиболее удовлетворительный ответ на вопрос «чем жить и что делать». Случись так, они развлекали бы себя ведением разговоров и занимаясь администрированием. В данный же момент, Джо-Джим мучился отсутствием достойного партнёра для интеллектуальных упражнений и утешался, как мог, чтением книг, наворованных его служками, три поколения которых он уже пережил.

Прочитанное всегда живо обсуждалось обеими половинами его двойной личности. В итоге Джо и Джим выработали весьма разумную и связную концепцию физической природы мира и его исторического развития. Понятие художественной литературы было, пожалуй, единственным, чего они не смогли усвоить, романы, которыми когда-то была снабжена библиотека экспедиции Фонда Джордана, они воспринимали за такую же достоверную информацию, как справочную и научную литературу. На этой почве они серьёзно расходились во взглядах. Джим считал величайшим в истории человеком Алана Квотермейна. Джо придерживался того же мнения о Джоне Генри.

Оба страстно любили поэзию, Киплинга они читали на память целыми страницами. Почти наравне с Киплингом оба читали Райлинга, «слепого певца космических дорог».

Вошёл Бобо. Джо-Джим показал на Хью.

— Смотри, он сейчас выйдет отсюда, — сказал Джо.

— Сейчас? — обрадовался Бобо и осклабился, радостно хлопая себя по животу и роняя слюну.

— Вот ведь обжора. — Джо двинул его кулаком в бок. — Нет, ты его не трогай. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Нельзя есть?

— Нельзя. Ты будешь драться за него, он за тебя.

— Окей. — Микроцефал пожал плечами, покоряясь неизбежному. — Кровные братья. Бобо знает.

— Тогда пошли. Туда, где всё летает. Ты иди вперёд

Они лезли вверх гуськом, один за другим. Карлик шёл первым и внимательно осматривал дорогу. За ним следовал Хойланд. Джо-Джим замыкал шествие. Джо смотрел вперёд, Джим через плечо назад.

Они поднимались всё выше и выше; с каждой пройденной палубой вес всё уменьшался. И вот они достигли яруса, выше которого продвигаться было нельзя, проёма в потолке не было. Палуба плавно изгибалась, подводя к мысли, что истинная форма окружающего их пространства была гигантским цилиндром, однако простирающийся над головой потолок имел аналогичную кривизну, мешающую обзору и не позволявшую увидеть, действительно ли палуба замыкается сама на себя. Обычные переборки отсутствовали; массивные опоры - огромные, приземистые, и производящие впечатление чрезмерной, ненужной прочности, располагались вокруг них, выдерживая равное пространство между палубой и потолком. Силы тяжести здесь почти не чувствовалось. Если бы человек спокойно замер на одном месте, неощутимый остаток веса плавно опустил бы его тело плавным вниз к «полу», однако термины «вверх» и «вниз» здесь в значительной степени были лишены смысла. Хью особой радости от экспедиции не испытывал — с непривычки его начало мутить. Зато Бобо заметно наслаждался парением в невесомости. Он передвигался в воздухе подобно большой неуклюжей рыбе, отталкиваясь от колонн, палубы или потолка на своё усмотрение.

Джо-Джим взял курс, параллельный общей оси внутреннего и внешнего цилиндров, следуя по проходу, образованному упорядоченно расположенными опорами. Вдоль их пути были вделаны поручни, по которым Джо-Джим двигался вперёд, как паук по паутине. Он развил приличную скорость, и Хью с трудом поспевал за ним. Спустя некоторое время он постиг секрет плавных, не требующих усилия рывков за поручни, долгого скольжения по инерции, не прерываемого ничем, кроме сопротивления воздуха, и, иногда — лёгкого тычка пальцами ног или рукой в пол. Он был слишком сосредоточен, чтобы сказать, сколько

они прошли, прежде чем остановились. Километры, насколько можно было судить, но точного ответа он не знал. Идти дальше было некуда: путь им преградила стена, уходящая в обе стороны. Джо-Джим двинулся по стене направо, ощупывая её рукой. Наконец он нашёл то, что искал, — дверь высотой в человеческий рост, запертую так плотно, что и обнаружить её можно было только по сложному геометрическому узору на поверхности. Джо-Джим посмотрел на дверь и почесал свою правую голову. Потом правая и левая головы тихонько о чём-то пошептались. Джо-Джим нерешительно поднял руку.

— Нет, нет, — сказал Джим.

Джо-Джим снова посмотрел на дверь.

— Как так? — спросил Джо.

Они снова начали шептаться. Наконец Джо кивнул, и Джо-Джим опять поднял руку. Он обводил пальцами контуры рисунка на двери, не прикасаясь, однако, к нему. Потом упёрся ладонью в стену, оттолкнулся от двери и замер в ожидании. Через секунду раздался еле слышный свист проходящего через щель воздуха. Дверь вздрогнула, приоткрылась дюймов на шесть и остановилась. Джо-Джим был заметно обескуражен. Он осторожно всунул пальцы в образовавшуюся щель и потянул дверь за край. Дверь не двигалась с места.

— Открой её! — приказал Джо Бобо.

Сморщив лоб почти до макушки, Бобо оглядел щель. Потом упёрся ногами в стену, вцепился в дверь руками и согнувшись пополам, потянул. Он затаил дыхание, спина его напряглась. По лицу катился пот, на шее выступили жилы, превращая голову в уродливую пирамиду. Хью услышал, как у карлика затрещали суставы. Было похоже, что он сейчас лопнет от натуги, потому что отказаться от этой невозможной затеи у него не хватит мозгов.

Но дверь неожиданно лягнула и подалась, вырвавшись из крепко сжатых пальцев Бобо. Ноги карлика, упёртые в стену, пружиной швырнули его в сторону, и он растопырил руки, пытаясь схватиться за поручень в полёте. Через секунду Бобо вернулся обратно, потирая сведённую от напряжения икру.

Джо-Джим первым вошёл в проход. Хью за ним.

— Где мы находимся? — потребовал объяснений Хью, любопытство которого разгорелось настолько, что даже заставило забыть о подходящих слуге манерах.

— В Главной рубке, — ответил Джо.

Главная рубка! Священнейшее и запретнейшее помещение Корабля, само расположение которого забылось и стало тайной! Для старых Учёных она была либо слепым догматом веры, либо предметом мистических толкований, а молодые Учёные вообще перестали верить в её существование.

Хью и считал себя человеком просвещённым, одни эти слова привели его в благоговейный трепет. Главная рубка! Да ведь здесь же, говорят, обитает дух самого Джордана!

— Что стоишь столбом? Пошли! — оглянулась голова Джо.

— Но...

— Говори уже!

— Ведь это место зачаровано... дух Джордана...

— Вот те на! — воскликнул Джо раздражённо. — Ты же говорил, что вы, молодые сопляки, в Джордана больше не верите.

— Конечно, но ведь...,

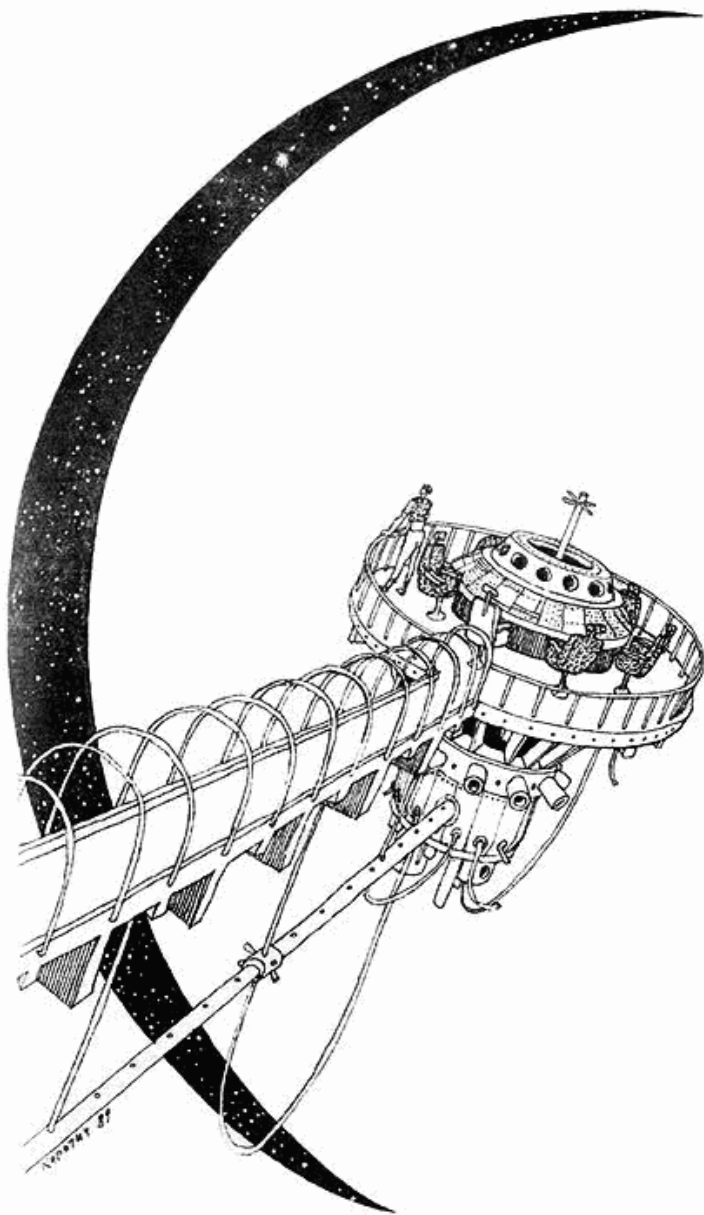
— Прекрати. Иди вперёд, а не то прикажу Бобо тащить тебя.

Хью неохотно последовал за Джо-Джимом.

Они прошли коридор, достаточно широкий, чтобы в нём могли разминуться два человека. Проход изгибался широкой дугой в полные девяносто градусов, а затем открывался в арку, ведущую непосредственно к главному посту управления. Любопытство перебороло страх, и Хью выглянул из-за широких плеч Джо-Джима. Глазам его открылось просторное, метров шестьдесят шириной, хорошо освещённое

помещение сферической формы — внутреннее пространство огромного шара, безликая поверхность которого светилась тусклым матовым серебром. В геометрическом центре сферы Хью обнаружил скопление приборов около пяти метров в поперечнике. Увиденное ничего не говорило его неискущённому глазу, он бы и описать не смог. Казалось, приборы просто висели неподвижно без какой бы то ни было опоры.

От арки, в которой они стояли, шёл только один путь — тоннель из металлической решётки.

Джо-Джим приказал Бобо оставаться на месте, а сам полез в тоннель. Он лез по решёткам, как по лестнице. Хью последовал за ним внутрь непонятного сооружения. Постепенно из общей массы оборудования пульта управления стали видны отдельные детали, но Хью они всё равно ничего не говорили. Он перевёл взгляд на внутреннюю поверхность окружавшего их шара.

Это было ошибкой. Белая матовая поверхность не давала чувства перспективы. Может быть, она отстояла от него всего на тридцать метров, а может — на многие километры. Хью никогда не видел ни высоты, большей, чем расстояние между двумя

палубами, ни открытого пространства, большего, чем общинная его деревни. Его охватил ужас, усугублявшийся тем, что причин этого чувства он не мог понять. Дух давно забытых лесных предков пробудился в нём, и первобытный страх чувства падения свёл судорогой живот. Хью вцепился в Джо-Джима.

Джо-Джим резко ударил его по лицу.

— Ты что это? — рявкнул Джим.

— Я не знаю, что со мной, — выдавил наконец Хью. — Не знаю, но мне здесь не по себе. Давайте уйдём отсюда.

Джим посмотрел на Джо и сказал брезгливо:

— Можем и уйти. Попусту только время тратим на этого засранца, всё равно он ничего не поймет.

— Прекрасно поймёт, — ответил Джо. — Лезь в кресло, Хью, вот сюда.

Пока братья спорили, Хью внимательно осмотрел тоннель, которым они достигли пульта управления, проследив взглядом весь путь, сделанный ими от арки. Сфера неожиданно сфокусировалась в его глазах, и страх исчез. Всё ещё дрожа, он повиновался приказу Джо.

Пост управления представлял собой каркас, где находились трубчатые кресла вместе с интегрированными устройствами управления и информационными панелями, установленными по бокам, где они были легко доступны операторам, но не ограничивали их вид.

Кресла имели широкие подлокотники, в которые были встроены средства контроля, необходимые каждому вахтенному офицеру, но Хью об этом ещё не знал. Он откинулся назад, радуясь, что устроился наконец прочно и надёжно. В полунаклонном положении, кресло подходило ему идеально: от подставки для ног, до подголовника.

На панели перед креслом Джо-Джима происходило что-то таинственное. Внезапно зажглись красные буквы: «ВТОРОЙ НАВИГАТОР ПОСТ ПРИНЯЛ».

Что такое «второй навигатор»? Он понятия не имел; затем, вдруг, увидел на самом верху панели перед его креслом те же слова, и понял, что это он сам, вернее человек, который должен здесь сидеть. Но что же означает «второй навигатор»?

Буквы на приборной доске перед Джо-Джимом погасли. В левом углу светилась лишь большая красная точка. Джо-Джим что-то сделал своей правой рукой; его панель отозвалась надписью: «УСКОРЕНИЕ: НОЛЬ», затем: «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ». Последние два слова мигнули несколько раз, а затем сменились на «ДОКЛАДА НЕТ». Слова исчезли, и ярко-зелёная точка появилась возле правого края.

— Приготовься, — сказал Джо. — Сейчас погаснет свет.

— Нет, не надо, не выключай, — запротестовал Хью.

— А я и не собираюсь. Ты сам выключишь. Посмотри слева от себя. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью повернулся и увидел на левом подлокотнике восемь маленьких огоньков, формирующих два квадрата, расположенных один над другим.

— Каждый контролирует освещение одного квадранта, — объяснил Джо. — Прикрой их рукой, и свет погаснет.

Неохотно, но, уже не в силах подавить растущее любопытство, Хью повиновался. Матовые стены потемнели, а потом их свечение угасло совсем. В кромешной тьме мерцали лишь огоньки приборной доски.

Хью была нервная дрожь. Он убрал руку, восемь маленьких огоньков горели теперь голубым светом.

— Сейчас я покажу тебе звёзды, — сказал Джо.

В темноте рука Джо-Джима легла на другой узор из восьми огоньков.

Мироздание.

Со стен стеллариума на Хью смотрели отражения звёзд, со скрупулезной достоверностью воспроизведённые зеркалами телескопов; звёзд, испускающих ровный безмятежный свет. Бриллианты, с небрежной щедростью рассыпанные по искусственному небу, — бесчисленные светила лежали перед ним, над ним, окружали его со всех сторон. Один посреди звёздной Вселенной!

— О-о-о! — невольно выдохнул Хью и вцепился в ручку кресла, чуть не обломав ногти, но даже не заметил боли. Страха он больше не испытывал. Только одно чувство владело им. Грубые будни Корабля не убили в нём стремления к прекрасному, и сейчас он впервые в жизни переживал невыносимо сладостную муку встречи с ним. Прекрасное ошеломило его и вызвало боль.

Только окончательно придя а себя, Хью услышал сардонический хохот Джима и едкое покашливание Джо.

— Хватит или ещё? — осведомился Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил освещённое дублирующим устройством, расположенным в левом подлокотнике его кресла.

Хью вздохнул. У него болела грудь и бешено билось сердце. Он вдруг понял, что за всё это время он не перевёл дыхания.

— Ну, умник, — сказал Джим, — убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда зажётся свет, ему опять стало хорошо и уютно, но он никак не мог избавиться от ощущения невосполнимой потери. Сердцем он чувствовал, что, увидев однажды звёзды, он никогда уже не будет счастлив, как прежде. Тупая боль в груди, смутная, неосознанная тоска по утраченному никогда уже не оставят его, хотя в невежестве своем Хью ещё не мог осознать этого.

— Что это было? — тихо спросил он.

— Оно самое, — ответил Джо. — Мир. Вселенная. Именно то, о чём я тебе говорил.

Хью отчаянно пытался понять, что имел в виду Джо.

— Это и есть мир вне Корабля — красивые маленькие огоньки?
— Совершенно верно, только они не маленькие. Они просто очень далеко от нас, за десятки тысяч километров, а может быть, и больше.
— Что?!
— То, что ты слышал, — усмехнулся Джо. — Космос огромен. А некоторые из этих звёзд размером с Корабль, если не больше.
— Больше Корабля? — выдохнул Хью.
— Без толку всё это, — нетерпеливо сказал Джим. — Только время зря на него, остолопа, теряем.
— Полегче, братец, полегче, — возразил Джо. — Не надо заставлять малыша бегать, прежде чем он научится ползать. Мы ведь тоже не сразу всё поняли. Насколько я помню, ты долго не хотел верить своим глазам.
— Ложь, — сердито буркнул Джим. — Это тебя пришлось долго убеждать.
— Ну ладно, дело прошлое, — согласился Джо. — Всё же нам с тобой тоже понадобилось время разобраться, что к чему.
Хойланд слушал близнецов краем уха. Их споры были делом обычным. Хью же сейчас думал только о том, что произошло с ним.
— Джо, — спросил он, — что случилось с Кораблем, когда мы увидели звёзды? Он стал прозрачным?
— Не совсем так, — ответил Джо. — Ты видел не сами звёзды, а их изображение. Есть такие устройства с зеркалами. Я тебе дам потом прочесть книгу о них.
— Но можно посмотреть и на настоящие звёзды, — вклинился в разговор Джим, уже остывший от минутной размолвки. — Здесь есть одно место...
— Точно, — подтвердил Джо. — Я совсем забыл о Капитанской веранде. Она сделана из стекла, и оттуда всё хорошо видно.
— Капитанской? Но...
— Разумеется, не нынешнего Капитана. Этот сюда ногой не ступал. Просто там на двери написано: «Капитанская веранда».
— Что такое «веранда»?
— Благословен, если я знаю. Просто название того места.
— Мы пойдём туда?
Джо было согласился, но Джим запротестовал:
— В следующий раз. Сейчас пора возвращаться. Я есть хочу.
Они спустились по тоннелю в арку, разбудили Бобо и отправились в долгий путь вниз.

Не скоро удалось Хью уговорить Джо-Джима на новую экспедицию, но он не расстраивался — время не пропало даром. Джо-Джим пустил его в свою библиотеку. Такого количества книг Хью за всю свою жизнь не

видел. А те из них, которые ему встречались раньше, теперь наполнились живым смыслом и воспринимались совсем по-другому.

Хью не мог оторваться от библиотеки, он жадно впитывал новые мысли, переваривал их, пытался усвоить. Хью забывал про еду, от него бежал сон, и только раскалывающаяся от боли голова и резь в пустом желудке напоминали ему, что надо заботиться и о теле. Утолив голод, он снова брался за книги и читал, пока буквы не начинали расплываться перед глазами.

Выходные ему не полагались, однако служить Джо-Джиму было не столь тяжело. Хотя Хью и полагалось находиться при хозяине всё время, тот позволял ему читать сколько угодно, лишь бы пленник оказывался всегда под рукой. Хью вменялось в основную обязанность играть в шашки с одной из голов, когда другой голове игра надоедала. Но и это время никак нельзя было считать всецело потерянным, потому что, играя с Джо, Хью почти неизменно мог перевести разговор на обсуждение истории Корабля, его устройства и оборудования.

Беседовали они и о людях, построивших его и отправившихся на нём в путь, об их прошлом, о Земле — этом странном и непонятном для них мире, где жили снаружи, а не внутри.

Хью пытался понять, как люди удерживались на Земле. Он спросил об этом Джо и наконец получил представление о гравитации.

Душой он в неё так и не поверил — слишком уж она казалась невероятной, но впоследствии - когда перед ним забрезжили первые смутные проблески науки о баллистике, а также об искусстве космической навигации и управления Кораблём, - принял её рассудком. И со временем, это привело к тому, что он задумался о том, что же такое вес в Корабле - вопрос, который раньше никогда его не беспокоил. Чем ниже палуба, тем больше вес. Для него, так было всегда, всего лишь закон природы, чему здесь удивляться? Ему была знакома центробежная сила - применительно к праще. Однако приложить это знание ко всему Кораблю, думать о Корабле, вращающемся наподобии пращи, и тем самым создающим вес, было слишком чересчур; он никак не мог в это поверить.

Наконец он уговорил Джо-Джима сводить его ещё раз в Главную рубку. Джо рассказал Хью то небольшое, что знал сам, о приборах управления.

Давно забытым инженерам-проектировщикам Фонда Джордана было дано задание построить корабль, который будет функционировать, даже если Полёт затянется на срок больший, чем предполагаемые шестьдесят лет. Учёные с блеском выполнили эту задачу. При создании главных приводных двигателей и вспомогательных устройств, в основном автоматических, и предназначенных для обеспечения нормальных жизненных условий, была отвергнута сама идея движущихся частей. Эта же самая концепция была применена и при проектировании

оборудования, которое не являлось полностью автоматизированным. Двигатели и вспомогательное оборудование работали принципе, отличном от механического движения, на концепции «чистой» силы, как, например, в электрических трансформаторах. Вместо кнопок, рычагов, кулачков и валов, все органы управления и механизмы, которые ими обслуживались, были разработаны с точки зрения баланса между статическими полями, смещения электронных потоков, с цепями, прерываемыми или замыкаемыми рукой, помещённой над светом. На этом уровне действия, трение теряло своё значение, а износ и эрозия не оказывали никакого влияния.

Даже если бы во времена Мятежа погиб весь экипаж, он продолжал бы Полёт, по-прежнему освещённый, по-прежнему со свежим, хорошо очищенным и влажным воздухом, с двигателями наготове в ожидании приказа. И теперь, когда лифты, конвейеры и другие вспомогательные устройства были давно забыты и заброшены, вся основная оснастка Корабля обслуживала свой невежественный человеческий груз и ждала пробуждения ума достаточно острого, чтобы найти к ней ключ. Корабль — это творение человеческого гения — был построен навечно. Слишком огромный, чтобы его можно было собрать на Земле, он был собран по частям на его собственной орбите за Луной. Там он оставался в течении пятнадцати безмолвных лет, пока формулировались вопросы и находились ответы — как защитить Корабль — и от дураков, и от времени. В процессе, была рождена совершенно новая наука о субмолярном воздействии; она повзрослела и обрела своё место в истории.

Вот почему, когда неопытная, но ищущая рука Хью легла на квадратик огоньков под подписью «УСКОРЕНИЕ, ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ», ответ пришёл незамедлительно, хоть и не имел отношения к ускорению. Замигал красный огонёк в верхней части пульта Главного пилота, а на дисплее зажглась надпись: «ГЛАВНЫЕ ДВИГАТЕЛИ — ВАХТА НЕ НА ПОСТУ».

— Что это значит? — спросил Хью.

— Трудно сказать, — ответил Джо. — Мы однажды проделали то же самое в двигательном отсеке, и там зажглась надпись: «ГЛАВНАЯ РУБКА — ВАХТА НЕ НА ПОСТУ».

Хью задумался, потом спросил:

— Интересно, а что получится, если ты пойдёшь в двигательный отсек, а я в это время буду в Главной рубке?

— Трудно сказать, — повторил Джо. — Мы никогда не пробовали.

Хойланд молчал. То, что бесформенно зрело в сознании, теперь выкристаллизовалось в решение. Он тщательно обдумывал его — взвешивая все «за», детализируя и выискивая подходящее время, чтобы начать разговор.

Хью долго ждал нужного момента — надо было застать близнецов в благодушном настроении. Однажды, когда они сидели в Капитанской веранде, он решил наконец рискнуть. Джо-Джим только что хорошо

поел, удобно развалился в кресле и рассматривал в иллюминатор безмятежные звёзды. Хью парил рядом. Вращение Корабля заставляло звёзды в смотровом окне двигаться по едва заметной дуге.

— Послушай, Джо-Джим, — начал Хью.

— Что тебе, юнец? — ответил Джо.

— Красиво, правда?

— Что красиво?

— Звёзды... — Хью махнул рукой в сторону иллюминатора и тут же схватился за спинку кресла, чтобы не отлететь в сторону.

— Конечно, красиво. На душе от них хорошо становится.

Как ни странно, это сказал Джим. Хью понял, что момент, которого он ждал, наступил. Собравшись с духом, он выпалил:

— Почему бы нам не довести дело до конца?

— Какое дело? — спросил Джо.

— Полёт. Почему бы нам не запустить Главный двигатель и не взять на себя управление? Ведь где-то там, — Хью говорил быстро, чтобы его не успели перебить, — где-то там есть похожие на Землю планеты, во всяком случае, так считал первый Экипаж. Мы должны найти их.

Джим расхохотался. Джо затряс головой.

— Мальчик, — сказал он, — ты в своём уме? Такого даже от Бобо не услышишь. Забудь об этом и думать.

— Но почему?

— Потому что нам это не по плечу. Для такого дела необходим грамотный экипаж, обученный управлению Кораблём.

— А много ли нам нужно людей? На Корабле ведь не больше десяти постов управления. Я думаю, что с десятков человек вполне могут управлять им. Если, конечно, они будут такими же знающими, как вы оба, — добавил он лукаво.

— Что, Джо, поймал он тебя? А ведь парень прав, — усмехнулся Джим.

Джо пропустил шпильку мимо ушей.

— Ты переоцениваешь наши знания и возможности, Хью, — сказал он. — Я допускаю, что можно научиться управлять Кораблём, но что потом? Нам неизвестно даже, где мы находимся. Корабль дрейфовал один Джордан знает сколько веков. Мы не имеем ни малейшего представления о его курсе и скорости.

— Но ты сам показывал мне навигационные приборы, — стоял на своем Хью. — Я уверен, что вам обоим ничего не стоило бы в них разобраться, Джо, если бы вы только захотели.

— Это уж точно, — согласился Джим.

— Не хвастай, братец, — одернул его Джо.

— А я и не хвастаюсь, — отрубил Джим. — Я в любом приборе разберусь, если он действует.

Джо только хмыкнул.

Первая маленькая победа. Они уже спорят друг с другом, а Хью только этого и надо. И хорошо, что наименее сговорчивый из них уже на его стороне. Теперь следует закрепить успех...

— Я знаю, где взять людей, если вы согласитесь их обучить.

— Где же? — недоверчиво спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о молодых Учёных?

— А, эти кретины...

— Но они же не знают того, что знаете вы. И по-своему они люди здравомыслящие. Если бы я мог вернуться к ним и рассказать, о чём узнал, то я набрал бы вам вполне подходящую команду для обучения.

— Посмотри-ка на нас внимательней, Хью, — перебил его Джо. — И скажи, кого ты перед собой видишь?

— Джо-Джима, кого же ещё?

— Ты видишь мутанта, — поправил его Джо голосом, полным сарказма. — Ты видишь мьюта, ясно тебе? Учёные не станут с нами сотрудничать.

— Неправда, — запротестовал Хью. — Я же не предлагаю обращаться к крестьянам. Они, конечно, ничего не поймут, но Учёные, о которых я говорю, — наиболее разумные изо всех там, внизу. Они поймут. От вас всего лишь потребуются обеспечить безопасный проход через страну мьютов. Ведь для вас это совсем не проблема, — добавил он, инстинктивно перенося суть спора на более твёрдую почву.

— Это для нас раз плюнуть, — согласился Джим.

— Прекрати, — сказал Джо.

— Конечно, конечно, — зашпешил Хью, почувствовав, что его настойчивость всерьёз рассердила Джо. — Но вообще было бы интересно попробовать...

С этими словами он отодвинулся подальше от братьев. Ему было слышно, как они оживлённо шепчутся, но он сделал вид, что их разговор его не интересует. Двойственность всегда была главной проблемой Джо-Джима. Будучи скорее группой, чем индивидуумом, он с трудом переходил от слов к делу, так как каждый его поступок требовал принятия совместного решения.

Немного погодя Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Хью, поди сюда!

Хью оттолкнулся от стены и одним прыжком очутился близ Джо-Джима, вцепившись обеими руками в спинку капитанского кресла, чтобы затормозить.

— Мы решили отпустить тебя вниз и дать тебе шанс попробовать, — сказал Джо. — Но всё равно ты идиот, — добавил он хмуро.

Бобо проводил Хью через опасные ярусы страны мьютов и оставил его в необитаемой пограничной зоне.

— Спасибо, Бобо, — сказал ему Хью на прощанье. — Доброй тебе еды. Карлик усмехнулся, кивнул, и вжав голову в плечи унёсся прочь по лестнице, по которой они только что спустились. Хью повернулся и начал спуск вниз, коснувшись при этом рукой ножа. Было приятно снова чувствовать его при себе, хотя нож не был его собственным. Тот, достался в качестве трофея Бобо, когда Хью попал в засаду, и карлик не смог вернуть его по той простой причине, что оставил его застрявшим в детине, которому удалось уйти. Впрочем, новый, который дал ему Джо-Джим, был хорошо сбалансирован, и вполне годился. По просьбе Хью и по приказу Джо-Джима, Бобо провёл его в сектор, расположенный прямо над вспомогательным Конвертером, который обслуживали Учёные. Хью рассчитывал найти Билла Эртца, Заместителя Главного инженера, вождя группы молодых Учёных. До беседы с ним Хью хотел по возможности избежать каких бы то ни было объяснений с другими.

Скоро Хойланд оказался в знакомом коридоре. Поворот налево, ещё сотню метров, и он очутился у двери, охраняемой часовым. Хью рванулся было вперёд, но часовой преградил ему дорогу.

— Стой, ты куда?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный инженер? Нет его здесь.

— Билл Эртц — Главный инженер? А что случилось с прежним? — Хью сразу смекнул, что выдал себя, но отступить было поздно.

— С прежним? Да он давно ушел в Полёт. — Охранник подозрительно посмотрел на него. — Что с тобой не так?

— Ничего, — отмахнулся Хью. — Сказал просто так.

— Занятная оговорка. А Главный инженер Эртц должно быть у себя в резиденции.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

Хью пришлось подождать в приемной, прежде чем его впустили к Главному инженеру. Увидев Хью, Эртц привстал из-за стола.

— Вернулся, значит, — сказал он. — Вот так сюрприз. А мы-то думали, ты давно мёртв, и списали как ушедшего в Полёт.

— Это естественно.

— Садись, рассказывай. У меня сейчас есть немного времени. Здорово ты изменился, я бы тебя не узнал. Совсем седой стал. Видно, нелегко пришлось?

Седой? Хью и не подозревал этого. Но ведь и Эртц сильно изменился. Морщины, брюшко. Джордан, сколько же он был в плену? Эртц побарабанил пальцами по столу, скорчил гримасу.

— Возникает проблема, — сказал он. — Боюсь, что на старый пост я назначить тебя не могу, его занимает Морт Тайлер. Но мы подыщем тебе место, подходящее твоему рангу.

У Хью не сохранилось никаких приятных воспоминаний о Мorte Тайлере. Оцененный по достоинству лицемер, вечно озабоченный тем, все ли следуют предписаниям, а ещё - как угодить тому, кто выше его. Так-так, значит, Тайлер выбился всё-таки в Учёные и занял прежнюю должность Хью, но сейчас это не имеет значения.

— Послушай, Билл, — начал он. — Я хотел бы с тобой переговорить о...

— Конечно, возникает и проблема старшинства, — продолжал своё Главный инженер. — Пожалуй, следует передать дело на рассмотрение Совета как вопрос, не имеющий прецедента. Мьюты и раньше, случалось, захватывали наших Учёных, но, насколько мне известно, ты первый, кому удалось вернуться от них живым.

— Есть более важная тема для разговора, — опять перебил его Хью. — Я увидел много удивительного, Билл. Удивительно и жизненно важного. Ты обязательно должен всё это знать. Поэтому я прямо к тебе и пришёл. Слушай, мне...

Эртц внезапно стал сосредоточенным:

— Конечно же! И как я сразу не сообразил? У тебя ведь была небывалая возможность досконально изучить страну мьютов. Выкладывай всё, что знаешь!

— Я совсем не о том, — ответил Хью. — Всё гораздо сложнее, чем просто информация о мьютах, хотя дело касается и их тоже. Я думаю, нам придётся изменить теперь всю политику по отношению к ним.

— Говори, говори, я слушаю.

Хью начал рассказывать о великом открытии, об истинной природе Корабля, выбирая слова как можно тщательнее и стараясь говорить убедительно. Он лишь мельком коснулся трудностей, связанных с реорганизацией жизни Корабля, но зато не жалел красок, расписывая почет и уважение, которые достанутся тому, кто этот процесс возглавит.

Говоря, Хью наблюдал за лицом Эртца. Когда он выложил главное — что Корабль всего лишь движущееся тело в безбрежном пространстве, — лицо Эртца выразило крайнюю растерянность. Однако потом на нём застыла маска бесстрастного спокойствия, по которой ничего нельзя было понять. Только в глазах вспыхивали искорки, когда Хью говорил, что Эртц как раз и есть тот человек, который мог бы возглавить новое движение, опираясь на свой авторитет заслуженного руководителя и признанного вождя прогрессивно мыслящих Учёных.

Кончив говорить, Хью напряженно ждал ответа. Эртц молчал, продолжая назойливо барабанить пальцами по крышке стола. Наконец сказал:

— Это очень важные вопросы, чтобы судить о них второпях, Хойланд. Мне необходимо тщательно обдумать услышанное.

— Разумеется, — согласился Хью. — Только я хочу добавить, что о безопасном проходе наверх уже есть договоренность. Я могу отвести тебя туда, чтобы ты всё увидел собственными глазами.

— Да, это было бы лучше всего, — ответил Эртц. — Ты голоден?

— Нет.

— Тогда нам обоим нужно отдохнуть. Давай поспим немного, а потом будем думать на свежую голову. Можешь расположиться здесь, в комнате за моим кабинетом. Но говорить ты ни с кем не должен, пока я не обдумаю всё сам. Если твои новости разгласить без должной подготовки, может начаться смута.

— Ты прав, — снова согласился Хью.

Эртц провел Хью в комнату за своим рабочим кабинетом, в которой, по всей видимости отдыхал иногда, и сказал:

— Выспись, а там поговорим.

— Спасибо, — ответил Хью. — Доброй еды.

— Доброй еды.

Только оставшись один, Хью почувствовал, как он устал. Нервное возбуждение в беседе с Эртцем сменилось депрессией. Он растянулся на кровати и сразу уснул.

Проснувшись, Хью обнаружил, что дверь комнаты заперта снаружи. Более того, исчез его нож.

Прошло очень много времени, прежде чем он услышал шаги у двери. Вошли два угрюмых стражника.

— Вставай, пойдёшь с нами, — сказал один из них.

Хью смерил их взглядом и отметил, что оба безоружны. Так, значит, шанса сорвать нож с пояса одного из них нет. Но если у безоружных конвоиров нельзя добыть оружие, то можно попробовать вырваться и уйти от преследования. Однако в следующей комнате стояли ещё двое, такие же массивные и угрюмые. Эти были вооружены. Один изготовил нож к броску, другой был готов в любой момент всадить свой под рёбра Хью с близкого расстояния.

Теперь Хойланд понял, что деваться некуда. Всё предусмотрено. Давно уже привыкнув не противиться неизбежному, он спокойно пошёл вперёд. Увидев Эртца и убедившись, что именно тот и командует арестовавшими его людьми, Хью сказал:

— Привет, Билл. С чего вдруг такие предосторожности? Что случилось?

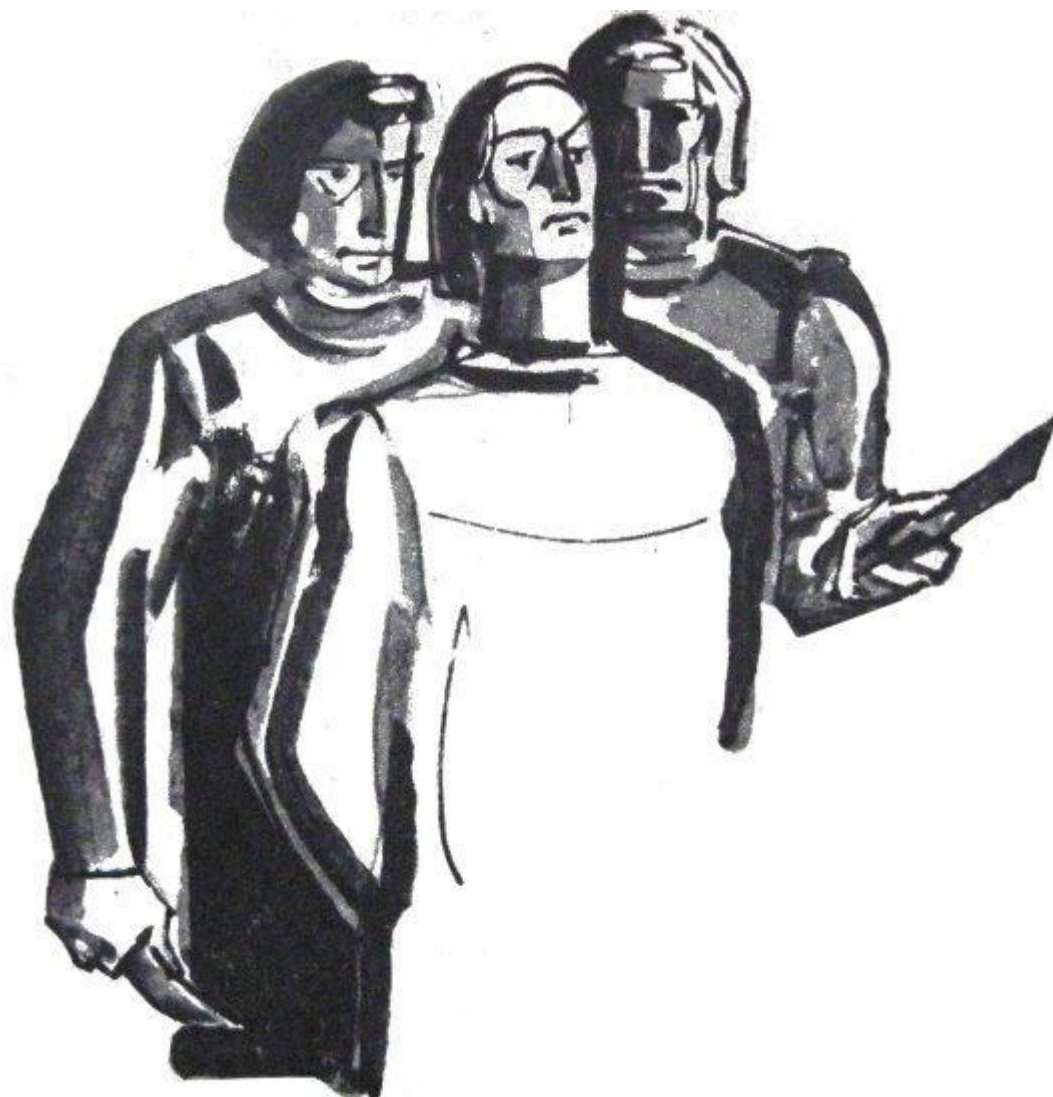
Эртц чуть-чуть замешкался с ответом:

— Ты сейчас предстанешь перед Капитаном.

— Хорошо, Билл, спасибо, — ответил Хью, — но разумно ли обращаться с таким делом к нему, не подготовив предварительно кое-кого?

Эртц даже не стал скрывать раздражения, вызванного столь очевидной тупостью:

— Если ты этого ещё не понял, позволь объяснить, что ты предстанешь перед Капитаном для суда за ересь!

Хью реагировал так, как будто ничего подобного ему раньше и в голову не приходило.

— Тогда меня не по адресу ведут, Билл, — спокойно заметил он. — Обвинение в ереси и суд, может быть, и правильный подход к сложившейся ситуации, но я ведь не крестьянин какой-нибудь, чтобы волочить меня под конвоем к Капитану. Меня должен судить Совет, я Учёный.

— Ты в этом уверен? — усмехнулся Эртц — Я уже консультировался по этому вопросу. Хью Хойланд давно исключён из списков. Кто ты и что ты, будет теперь решать Капитан-Помазанник.

Хью сохранял спокойствие. Ситуация складывалась не в его пользу, и не было смысла раздражать Эртца. Главный инженер подал знак, безоружные конвоиры схватили Хью за руки, и он, не сопротивляясь, пошёл за ними.

Хью с интересом разглядывал Капитана. Старик мало изменился, разве ещё больше растолстел.

Капитан удобно устроился в кресле и взял со стола рапорт.

— В чём дело? — спросил он брюзгливо. — Я ничего не понимаю.

Обвинителем против Хойланда выступал Морт Тайлер. Такого поворота событий Хью отнюдь не предвидел, и этот факт не мог не усугубить его опасений. Он даже покопался в памяти, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, способную пробудить сочувствие к нему со стороны Тайлера, но так ничего и не нашёл. Морт прочистил горло и начал:

— Речь идет о некоем Хью Хойланде, Капитан, который был одним из ваших младших Учёных.

— Учёных? Почему же его делом не занимается Совет?

— Потому что он больше не Учёный, Капитан. Он перебежал к мьютам, а сейчас вернулся, чтобы сеять ересь и смуту и подрывать вашу власть.

Капитан окинул Хью откровенно враждебным взглядом человека, не терпевшего покушения на свои прерогативы.

— Это правда? — прорычал он. — Что ты сам скажешь, Хойланд?

— Это ложь, Капитан, — ответил Хью. — Всё, что я говорил, лишь подтверждает истинность наших древних верований, по которым мы живём. Я никогда не пытался отрицать наше Учение, напротив, я сумел найти доказательства его правоты, ещё более глубокие...

— Ничего не могу понять, — перебил его Капитан. — Его обвиняют в ереси, а он утверждает, что верит в Учение. Если ты не виновен, то как же здесь очутился?

— Я могу объяснить, — сказал Эртц.

— Надеюсь, что хоть ты это сможешь, — буркнул Капитан. — Давай выкладывай.

Эртц доложил о возвращении Хойланда и о его странных рассказах. Придерживаясь фактов, Главный инженер сумел всё же придать им определенную окраску.

Хью немедленно заговорил:

— Суть моих утверждений, Капитан, состоит в том, что в верхних ярусах есть места, где воочию можно убедиться в основной истине нашей веры: в том, что Корабль действительно движется; где можно увидеть План Джордана в действии. Это не опровержение, это подтверждение веры. Я не прошу верить мне на слово, сам Джордан подтвердит мою правоту.

Почувствовав нерешительность Капитана, в разговор вклинился Морт Тайлер:

— Капитан, я считаю своим долгом проанализировать и изложить все возможные версии этого невероятного дела. Есть два наиболее разумных объяснения смехотворной истории, рассказанной Хойландом. Либо это просто-напросто закоренелый еретик, либо тайный мьют и участник заговора имеющего целью заманить вас в ловушку и предать в руки мьютов. Но есть и третье объяснение, более милосердное по отношению к обвиняемому, и в глубине души мне кажется, что справедливо именно оно. В досье Хойланда указано, что при его рождении Инспектор был серьёзно обеспокоен размером головы ребенка и ставил вопрос об отправке его в Конвертер. Но поскольку отклонение от нормы было незначительным, Инспектор все-таки пропустил Хойланда. Мне кажется, что ужасные мучения, которые Хойланд претерпел в плену у мьютов, окончательно повредили его и так неустойчивый от природы разум. Бедняга просто не ведает, что творит.

Хью посмотрел на Тайлера не без уважения. Очень тонко — и репутацию ему очистил полностью, и обвинение в ереси снял, и Полёт на сто процентов обеспечил!

Капитан махнул рукой.

— Хватит отнимать у меня время. — Он обернулся к Эртцу: — Рекомендации по этому делу есть?

— Так точно, Капитан. Конвертер.

— Ну и хорошо. Но я не понимаю, Эртц, почему меня обязательно нужно беспокоить по всяким мелочам? Ты сам должен уметь поддерживать дисциплину в своём ведомстве.

— Слушаюсь, Капитан.

Капитан отвернулся от стола, готовясь встать.

— Рекомендация принята и утверждена. Все свободны.

Хью охватила ярость от такой глупой несправедливости. Они даже не захотели познакомиться с реальными доказательствами его правоты и невиновности. Он услышал, как кто-то крикнул: «Подождите!» — и понял, что кричал он сам. Капитан поглядел на него.

— Подождите, — продолжал Хью. Слова сыпались сами собой: — Подождите! Дела это не меняет, вы ведь так уверены в своей мудрости, что даже глаз не раскроете, когда вам всего лишь предлагают посмотреть! Но всё-таки, всё-таки он движется!

Времени на размышление у Хью было предостаточно. Он опять сидел под арестом и ждал, пока Конвертеру потребуется очередная порция массы для производства энергии, и частью этой порции должен быть как раз он сам. Хью снова и снова анализировал свои ошибки. То, что он сразу, без подготовки, выложил все Биллу Эртцу, оказалось самым главным просчётом. Не стоило полагаться на старую дружбу, которая, скажем прямо, никогда не была особенно близкой. Следовало прощупать его сначала, а не лезть сломя голову. Второй просчёт — Морт Тайлер. Услышав имя Тайлера, Хью опять же следовало выяснить, насколько Эртц прислушивается к его мнению и каким влиянием пользуется Морт. Он же Тайлера знал давно и должен был помнить, что его следует опасаться.

Вот Хью и сидит теперь здесь, заклеенный то ли как мутант, то ли как еретик. Ярлык, впрочем, дела не меняет — все едино, за что казнить. Хью подумал, что мог бы попробовать объяснить судьям, откуда взялись мутанты. Сам он узнал об этом, читая старые записи в тщательно наворованной библиотеке Джо-Джима. Нет, эту идею придётся отвергнуть... Рождение мутантов было вызвано космической радиацией, но как рассказать людям о радиации извне, если они вообще не могут понять, что такое «извне»? Нет, он сам все испортил до того, как его поволокли к Капитану.

Скрип двери прервал мысленное самобичевание. Кормили Хью не часто, и для очередной еды было ещё рано. Неужели за ним уже пришли? Хью твердо решил, что в Конвертер отправится не один. Хоть кого-нибудь из них прихватит с собой.

Но он ошибся. Раздался голос, преисполненный мягкого достоинства: — Сынок, сынок, как же это ты?

Его первый учитель Лейтенант Нельсон, измождённый и постаревший, склонился над ним.

Встреча очень расстроила обоих. Старик, у которого собственных детей не было, возлагал на своего протеже большие надежды, лелея даже мечту, что когда-нибудь Хью достигнет места Капитана. Самому Хью он об этом никогда не говорил, не хотел портить юношу зазнайством. Старик страшно горевал, когда его мальчик исчез. И вот вернулся мужчиной, но опозорен и приговорён к смерти.

Хью был огорчён не меньше старика. Он очень любил своего учителя, нуждался в его одобрении и хотел бы доставить ему радость, но, рассказывая свою историю, он с горечью убедился, что Нельсон просто не способен расценивать её иначе как сумасшествие. Он скорее предпочтёт, чтобы Хью принял быструю смерть в Конвертере, где его атомы превратятся в водород и будут использованы в качестве чистой энергии, — чем будет жить и высмеивать древнюю веру.

В этом отношении, Хью обошёлся со стариком несправедливо: он недооценил милосердие Нельсона; не его преданность «науке». Хью был романтик, и по-своему безрассуден - но если бы речь зашла просто о его личном благополучии - он, вероятно, предпочёл бы умереть, чем разбить сердце своему благодетелю.

Встреча была такой мучительной для них обоих, что вскоре старик поднялся, чтобы уходить.

— Могу я чем-нибудь помочь, сынок? Кормят тебя хорошо?

— Вполне, — солгал Хью.

— Прислать что-нибудь?

— Нет, спасибо. Впрочем, не могли бы вы прислать мне немного табаку? Я уже давно его не жевал.

— Хорошо. Хотел бы ты повидать кого-нибудь из близких?

— Разве можно? Я думал, здесь свидания запрещены.

— Вообще-то запрещены, но я могу добиться исключения. Только дай мне слово, что никому не расскажешь о своей ереси.

Хью схватился за новый шанс. Дядя? Нет, не годится. Они всегда ладили, но никогда друг друга не понимали. Друзья? Он плохо сходил с людьми и друзей заводил с трудом. Да и Эртца он ведь считал другом! Неожиданно Хью вспомнил приятеля своего деревенского детства, с которым частенько играл. Алан Махони. Он, правда, почти не виделся с Аланом с тех пор, как переселился к Нельсону, но всё-таки...

— Алан Махони всё ещё живёт в нашей деревне?

— Да.

— Если он согласится прийти, я был бы рад с ним повидаться.

Придя к Хью, Алан нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке, но откровенно был рад видеть старого товарища и очень расстроился, узнав о приговоре. Хойланд хлопнул его по спине.

— Молодец! Я не сомневался, что ты придёшь.

— Как только узнал. В деревне ведь никому ничего о тебе неизвестно, даже Свидетелям.

— Расскажи, как ты жил всё это время. Женился?

— Да нет. Давай не будем тратить время на разговоры обо мне.

Почему-то, со мной никогда ничего не происходит. Расскажи лучше, в чём тебя обвиняют.

— Не могу, Алан. Я дал слово Лейтенанту Нельсону.

— Чего стоят слова, когда надо выбираться из беды! Влип ты ведь крепко.

— А то я сам не знаю.

— Кто-нибудь имеет на тебя зуб, Хью?

— Видишь ли... Во всяком случае, скажем так: наш старый дружок Морт Тайлер и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Алан присвистнул и кивнул.

— Это проясняет дело.

— То есть? Тебе что-то известно?

— Как тебе сказать... Он женился на Идрис Бакстер после того как ты исчез.

— Да, действительно проясняет. — Хью помолчал.

— Слушай, Хью, — сказал Алан. — Не сидеть же сложа руки и ждать, когда тебя поволокнут в Конвертер. Тем более что здесь замешан Морт Тайлер. Надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю ещё. Налет устроить, что ли. Есть несколько хороших ребят, которые не прочь помахать ножами.

— Боюсь, что тогда вместе со мной в Конвертере окажешься и ты, и твои хорошие ребята. Нет, это не пойдёт.

— Так что же, дать им бросить тебя в Конвертер?

Хью смотрел на Алана. Имеет ли он право обращаться к нему с подобной просьбой? И он решился:

— Слушай, готов ли ты на всё, чтобы выручить меня?

— Ты же знаешь, — обиженно ответил тот.

— Тогда ты пойдёшь наверх и найдёшь карлика по имени Бобо...

Алан лез всё выше и выше. Так далеко он не забирался даже в юношеские годы, когда Хью водил его в отчаянные, полные безрассудного риска экспедиции. Сейчас он был старше, менее подвижен и не испытывал никакого желания находиться здесь. К вполне естественному страху перед реальными опасностями примешивался и испуг, вызванный предрассудками и невежеством. Но всё же он продолжал идти вперед.

Карлик увидел его первым. Снаряд пращи угодил Алану прямо в живот, он только успел крикнуть: «Бобо, Бобо!» — и потерял сознание.

Бобо спиной вошел в жилище Джо-Джима и сбросил свою ношу к ногам хозяина.

— Свежее мясо! — гордо объявил он.

— Ну и возьми его себе, — безразлично ответил Джим.

Карлик поковырял скрюченным пальцем в ухе.

— Смешно, — сказал он. — Знает Бобо.

Джо оторвался от книги, которую читал: «Собрание стихов Браунинга», L-Press, Нью-Йорк, Лондон, Луна-Сити, 35 кредитов. — Это становится интересным. Обожди-ка.

Хью подготовил Алана к встрече с двухговым мутантом, поэтому тот, придя в себя, рассказал обо всём, что случилось. Джо-Джим слушал молча и бесстрастно. Бобо тоже слушал внимательно, но ничего не понимал.

Когда Алан кончил. Джим заметил:

— Твоя была правда, Джо. Ничего у него не вышло. — Повернувшись к Алану, он добавил: — Останешься вместо Хью. В шашки играть умеешь?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы даже не попробуете помочь ему? — спросил он.

— А с какой стати? — удивился Джо.

— Но он же рассчитывает на вас. Ему больше неоткуда ждать помощи. Я поэтому и пришёл, разве вы не понимаете?

— Даже если бы мы согласились, — рявкнул Джим, — что бы мы могли сделать, дурья твоя голова? Отвечай!

— Да нападём на них просто-напросто и отобьём Хью!

— А чего ради мы должны рисковать шкурой, спасая твоего друга?

— Что, драться будем? — наострил уши Бобо.

— Нет, Бобо, нет. Просто разговоры, — ответил Джо.

— А-а... — разочарованно протянул Бобо и снова смолк.

Алан посмотрел на него.

— Ну хоть Бобо отпустите со мной!

— Нет, — отрезал Джо. — Об этом и речи быть не может.

Алан сидел в углу, обхватив в слепом отчаянии колени. Как вырваться отсюда? Внизу он мог бы ещё найти помощь. Карлик, казалось, спал, хотя наверняка этого сказать не мог никто. Хоть бы Джо-Джим уснул.

Но близнецы и не думали спать. Джо пытался сосредоточиться на книге, но Джим всё время отрывал его от чтения. О чём они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо громко сказал:

— Хорошенькое у тебя представление насчёт «позабавиться»!

— Всё одно веселей, чем шашки, — ответил Джим.

— Веселее, да? А если ты ножом в глаз получишь, что будет со мной?

— Стареешь ты, Джо. Кровь у тебя жидкая стала.

— Не старее тебя.

— У меня зато мысли молодые.

— Знаешь что, меня от тебя с души воротит. Ладно, будь по-твоему, но меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил:

— Слушаю, хозяин!

— Приведи Коротышку, Длиннорукого и Свинью.

Джо-Джим подошёл к шкафу доставать ножи.

Под самой дверью тюрьмы возникла какая-то сумятица. Хью встрепенулся. Уже пришли за ним, чтобы отвести в Конвертер? Вряд ли конвой будет так шуметь. А может быть, этот шум в коридоре вообще не имеет к нему отношения? А может быть...

Точно! Влетевший в распахнувшуюся дверь Алан сунул Хью в руку пояс с ножами, одновременно выталкивая пленника наружу.

Стоящий в коридоре Джо-Джим даже не заметил Хью сразу, потому что

был сильно занят — методично и спокойно метал ножи, как будто упражнялся с мишенью у себя в комнате. Ухмылка Бобо казалась шире обычной из-за ножевой раны у самого рта, что, однако, никак не повлияло на меткость его пращи.

Присутствовали ещё трое, двоих из которых Хью опознал как головорезов из банды Джо-Джима - мьютов по определению и месту рождения, хотя физические недостатки у них отсутствовали. В счёт не входило несколько распластанных на полу тел.

— Сматываемся, живо! — крикнул Алан. — Их сейчас набегит целая орава! — и устремился в правый коридор. Джо-Джим последовал за ним. Хью наудачу, не целясь, метнул нож в стражника, показавшегося из левого коридора, не успев даже посмотреть, попал или нет. Бобо, прикрывавший отступление с тыла и раздосадованный слишком

быстрым завершением потехи, бежал вслед.

Они достигли точки, где боковой проход пересекал основной коридор. Алан снова свернул направо.

— Здесь лестница! — крикнул он.

Но метрах в десяти от лестницы прямо перед ним захлопнулась герметическая дверь, о существовании которой Алан совсем забыл: этой лестницей почти никогда не пользовались. Бандиты Джо-Джима

остановились и с сомнением посмотрели на своего вожака. Бобо вцепился в дверь, но только обломал себе ногти.

— Попались, — мягко сказал Джо. — Надеюсь, Джим, что хоть это развлечение придётся тебе наконец по вкусу.

Из-за поворота сзади высунулась голова одного из преследователей. Хью метнул нож, но расстояние было слишком велико: нож ударился о сталь стены. Голова исчезла. Длиннорукий, держа пращу наготове, не спускал с коридора глаз.

— Видишь светящуюся трубу на потолке? — Хью схватил Бобо за плечо.

Бобо кивнул. Хью показывал ему на трубку освещения, проходящую над разветвлением коридоров, которые они только что проскочили.

— Можешь попасть в место, где эта трубка соединяется с другой?

Бобо прикинул расстояние на глаз. Далековато. Это было бы трудной задачей при любых условиях — попасть в цель на таком расстоянии. Здесь, вдобавок, он был стеснён нависающим потолком прохода — это требовало броска по прямой траектории, и большей силой тяжести, чем та, к которой он привык. Он ничего не ответил. Хью услышал лишь свист пращи и треск. В коридоре стало темно.

— За мной! — крикнул Хью и побежал назад по коридору.

Приблизившись к перекрестку, он закричал: — Не дышать! Осторожно! Газ!

Из разбитой трубы лениво вываливались зеленоватые клубы радиоактивного испарения.

Хью мог только благодарить судьбу за то, что когда-то работал инженером осветительных систем и хорошо знал их устройство. Направление он выбрал правильное — линия освещения этого коридора шла как раз от соединения, разбитого Бобо, и поэтому сейчас здесь было темно. Вокруг только слышался топот бегущих людей — друзей ли, врагов ли, он не знал.

Наконец они выскочили на освещённый участок, где не было никого, кроме насмерть перепуганного крестьянина, тут же пустившегося наутёк. Все были на месте, но Бобо шатался и тяжело дышал.

Джо посмотрел на него.

— Газу нанюхался, — сказал он. — Свинья, стукни его по спине.

Свинья охотно повиновался.

— Отойдёт, — сказал Джо.

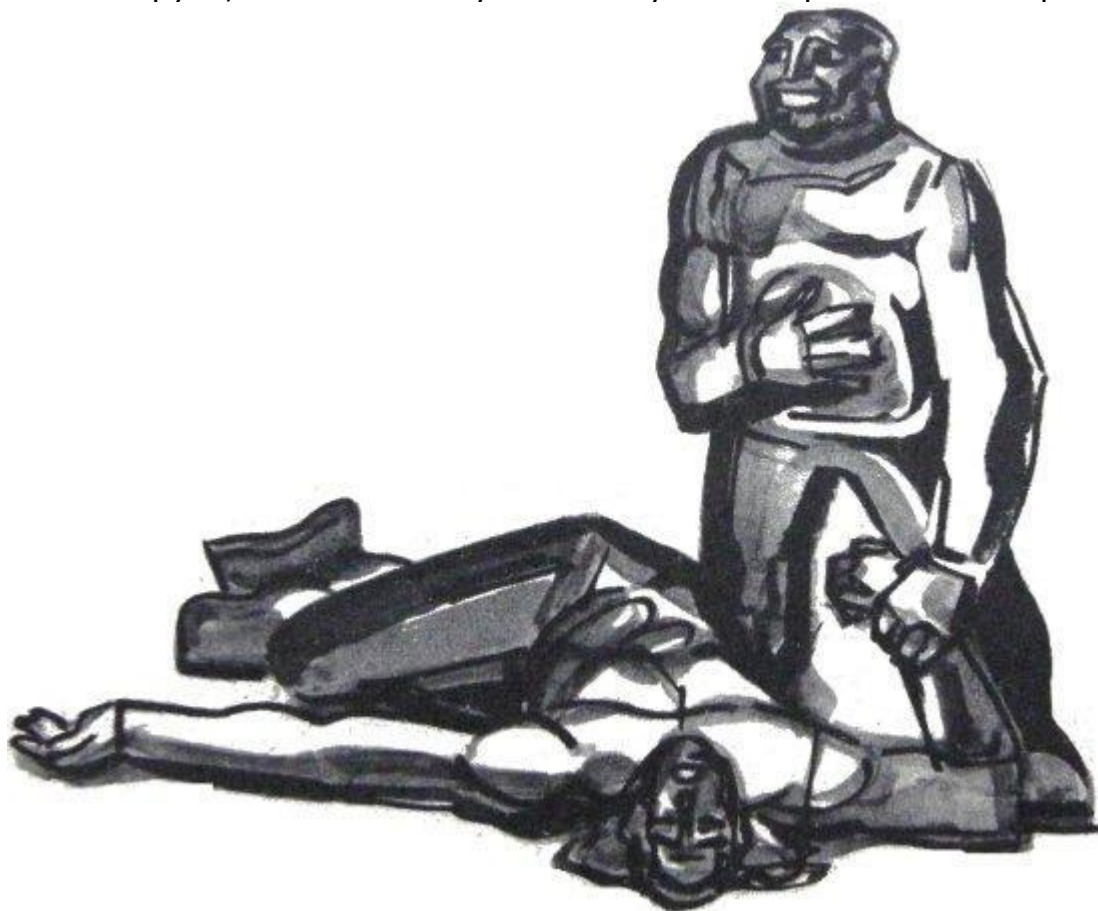
Эта маленькая заминка позволила одному из преследователей догнать их. Он выскочил из тёмного коридора, то ли не сообразив, что один оказался против целого отряда, то ли не придав этому значения.

Свинья поднял было пращу, но Алан, узнавший Морта Тайлера, схватил Свинью за руку:

— Не тронь его! Он мой!

— Один на один? — предложил Алан Тайлеру, прижав пальцем лезвие ножа.

Взгляд Тайлера метался по стоящим врагам, и он принял вызов, бросившись на Алана. Чтобы метнуть нож, было слишком мало места, и они сцепились в рукопашную, одновременно поставив друг другу блок на удар кулака. Тайлер двинулся вперёд. Алан был тяжелее и явно сильнее. Однако Тайлер был гибче и подвижнее. Он попытался нанести удар Алану коленом в промежность, но тот увернулся, и наступив на опорную ногу Тайлера, сбил его с ног, упав на пол вместе с ним. Раздался хруст; мгновение спустя Алан уже вытирал нож о бедро.

— Уходим, — сказал он. — Мне здесь не по себе.

Они поднимались вверх. Свинья и Длиннорукий выходили на каждую новую палубу первыми, осматривались по сторонам и охраняли лестницу с флангов, пока не поднимутся все остальные. Третий (Хью слышал, как они называли его Коротышкой), прикрывал отход с тыла.

Хью уже думал, что они совсем оторвались от погони, но неожиданные крики и свист ножа, пролетевшего прямо над головой, когда он вылезал из люка на очередную палубу, убедили его в обратном. Тем более что этот нож хоть и не сильно, но задел его щёку.

Нож торчал из правого плеча Длиннорукого, но это его не беспокоило — он раскручивал пращу. У Кабана свои ножи кончились, он поднимал с пола клинки, брошенные в него, и метал их обратно. Следы его работы были налицо: три трупа в коридоре да футах в двадцати от них раненный в ногу человек опирался рукой о стену, тщетно шаря другой в пустой перевязи. Хью узнал Билла Эртца.

На свое несчастье, Эртц прошёл по другой лестнице, чтобы перерезать путь беглецам и устроить засаду. Бобо поднял пращу, но Хью остановил его:

— Этот нам нужен. Подстрели его в живот, но чтоб жив остался, — приказал он.

Бобо удивился, но сделал, как было велено. Эртц перегнулся пополам и рухнул на пол.

— Метко, — сказал Джим.

— Бобо, тащи его с нами, — скомандовал Хью и окинул взглядом весь отряд. — Внимание! Все наверх и живо! По сторонам смотреть в оба!

Группа двинулась дальше, сохраняя прежний порядок. Джо выглядел раздражённым. Происходило что-то странное — Хью вдруг начал командовать его собственными людьми да и им самим тоже. «Впрочем, сейчас не до споров», — подумал он.

Джиму же, казалось, все это было безразлично. Он развлекался.

Они прошли ещё десять палуб, не встречая сопротивления. Хью приказал без нужды не трогать крестьян. Три головореза повиновались безропотно, а Бобо был слишком занят Эртцем, чтобы нарушать дисциплину. Только палуб через тридцать, когда они оказались в нейтральной зоне, Хью позволил остановиться и заняться ранами.

Серьезно пострадали только Длиннорукий и Бобо. Джо-Джим перевязал их заранее запасёнными бинтами. Хью, раненный в щёку, от перевязки отказался.

— Кровь уже остановилась, — сказал он, — и нечего тратить время на царапины. У меня дел по горло.

— Каких ещё дел? Мы идём домой, и хватит ерундить, — сказал Джо.

— Ты как хочешь, — сказал Хью, — но Алан, я и Бобо идём на самый верх, в Капитанскую веранду.

— Это ещё зачем? — спросил Джо.

— Иди с нами, тогда увидишь сам. Ребята, привал окончен. Вперёд! Джо хотел что-то сказать, но Джим безмолвствовал, поэтому промолчал и Джо. Близнецы последовали за Хью.

Они вплыли в дверь рубки.

— Вот, — сказал Хью Алану, показывая в иллюминатор, — вот то, о чём я тебе рассказывал.

Алан увидел звёзды.

— Великий Джордан! — простонал он. — Мы же выпадём! — И закрыл глаза.

Хью встряхнул его.

— Не бойся, посмотри, как красиво.

Джо-Джим взял Хью за руку.

— Что ты задумал и зачем приволок сюда этого? — он показал на Эртца.

— Когда он очнётся и увидит звёзды, мы докажем ему, что Корабль движется в пространстве.

— Зачем?

— Когда он убедится сам, я пошлю его убеждать остальных.

— И с ним случится то же, что и с тобой?

— Тогда, — пожал плечами Хью, — тогда мы просто начнём все сначала. И так до тех пор, пока не убедим всех. Видишь ли, у нас просто нет другого выхода.

Перевод: Ю. Зарахович (1976), А. Победённый (2023)

Иллюстрации: Н. Гришин (1976), А. Коротич (1989)